

На правах рукописи

ЮСУФОВ УМРИДИН АБДУКОФИЕВИЧ

**ВЗАИМОВЛИЯНИЕ ПОЭТИКИ АРАБА И АДЖАМА
(IX-XV вв.)**

10.01.08 – Теория литературы. Текстология

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
доктора филологических наук**

Душанбе -2021

Работа выполнена в отделе истории таджикской литературы Института языка и литературы имени Рудаки Национальной академии наук Таджикистана

Научный консультант: **Сатторов Абдунаби**, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом истории таджикской литературы Института языка и литературы им. Рудаки Национальной академии наук Таджикистана

Официальные оппоненты: **Мардони Тоджиддин**, доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела среднего и ближнего Востока Института Азии и Европы Национальной академии наук Таджикистана

Низомиддин Зохидов, доктор филологических наук, член-корреспондент Национальной академии наук Таджикистана, Чрезвычайный и Полномочный посол Республики Таджикистан в Исламской Республике Иран

Тагоймуродов Рустам, доктор филологических наук, профессор кафедры таджикской литературы Бохтарского государственного университета им. Носира Хусрава

Ведущая организация: Худжандский государственный университет имени Б. Гафурова

Защита состоится 21 сентября 2021 года в 14.00 часов на заседании диссертационного совета Д 047.004.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук на базе Института языка и литературы им. Рудаки НАНТ (734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, пр. Рудаки, 21).

С диссертацией можно ознакомиться в Центральной научной библиотеке им. Индиры Ганди НАНТ и на сайте Института языка и литературы им. Рудаки НАНТ (734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, пр. Рудаки, 21; www.iza.tarena.tj).

Автореферат разослан « _____ » _____ 2021 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук

Дж. Дж. Мурувватиён

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Проблема взаимовлияния поэтики Араба и Аджамы является одной из основных малоизученных задач современного таджикского литературоведения.

Среди западных и арабских ученых существует распространённое мнение, что персидская риторика ('илм ал-балāга), персидская наука о красноречии ('илм ал-бади') и персидская поэтика (фанн-и ши'р-и пāрсī) в целом возникли под влиянием арабской науки о поэтике, и являются ничем не иначе как её копией или же переписыванием. Данное толкование отражает формальную общую картину персидско-таджикской поэтики в двух ипостасях: а) как с точки зрения структуры, так и б) с точки зрения содержания, показывая, таким образом, общность или эквивалентность поэтики Араба и Аджамы. Однако, когда проблема рассматривается с критической точки зрения, сразу возникают вопросы, связанные с доминированием различий (мумайизāt), новшествами литературных приемов и художественных средств (ибтикārāti санāи'и бади'й), смысловых добавлений (фузудахāи ма'нāи) и исключений (отклонений), терминологических обозначений и нареканий (тасарруфāt), полностью отсутствующих даже в арабском языке, не говоря уже о поэтике как таковой. Вместе с тем, часть авторов персидских источников средних веков (Мухаммад 'Умар ар-Рāдуйāнī, Рашидаддин Ватват, Шамси Кайс Мухаммад ар-Рāзī, Амир Хусрау Дихлавī, Атауллах Махмуд Хусайнī, Хусайн Вā'из Кāшифī) рассматривая художественные средства и степень их взаимопроникновения, особо отмечают такие теоретические особенности персидской поэтики как «персидский стиль» (салāики пāрсī), «порядок Аджамы» (минвāли Аджам), «персидская особенность» (хусусийāti пāрсī) и «способы достижения изящества речи поэтами Аджамы» - (тарики шу'арāи Аджам), которые, с одной стороны, если и рассматривают поэтику двух культур в сопоставлении, то с другой, научно доказывают независимость и самостоятельное развитие персидско-таджикской науки о поэтике. В этом плане особо следует отметить научный труд Атауллаха Махмуда Хусайнī «Бадāйе' ас-санāйе'» («Мастерство поэзии»), который впервые комплексно, при помощи сопоставительного анализа, рассматривает вопросы теории и практики науки о поэтике и эстетических ценностях Араба и Аджамы, создав солидную научную базу сравнительного исследования арабской и персидско-таджикской поэтики уже в XV веке.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что в период формирования и развития персидско-таджикской науки о поэтике, влияние арабского начала, в частности поэтической архитектоники, и арабоязычной литературы бесспорна. Однако, несмотря на это, методология написания

трактатов о поэтике персидско-таджикских ученых, как мы убедимся позже, пошла своим путем (тарики дигар ё равиши дигар), поскольку, как известно, метрическая система стихосложения - персидский 'аруд - существенно отличается от своего арабского аналога.

Настоящая диссертационная работа, по сути, является первой попыткой определения влияния арабоязычной поэтики на персидско-таджикские теоретические воззрения и литературные эстетические ценности персидско-таджикской теории литературы на базе системного анализа средневековых источников Араба и Аджамы.

Степень изученности темы. Поэтика, как наука о поэзии все больше и больше изучается в востоковедческих кругах как отдельная наука. Арабская поэтика была исследована в начале XX века академиком И. Ю. Крачковским в таких трудах, как «Поэзия по определению арабских критиков» (1910), «Арабская поэзия» (1924), «Арабская поэтика в IX веке» (1930), «Риторика» Кудāмы ибн Джа'фара (1930), «Китāб ал-бади'» (1933), «Очерк развития поэтики у арабов» (1933) «Муслим ибн ал-Валид ал-Ансārī» (1936) и «Арабская поэзия в Испании» (1940) и представлена как самостоятельная область науки.

Трактат «История и развитие науки о риторике» (1965) Шавки Зайфа дает подробную информацию о важнейших источниках арабской поэтики VIII-XIII веков. Шибли Ну'мāни в книге «Поэзия Аджамы» (1325-1336), рассматривая произведения поэтов обсуждает вопросы персидской поэтики. В данном аспекте важное место занимает трактат «Наука поэтики и художественно-литературные фигуры» (1949) Джалāладдина Хумāй, который и является началом появления научных трудов в этой области.

Историю эстетической мысли освещает тема кандидатской диссертации по философии А. В. Сагадаева «Из истории эстетической мысли народов ближнего и среднего Востока (эпоха средневековья)» (1964). Им же написан очерк «Эстетические взгляды арабов эпохи Средневековья» (1963), в котором исследуется история арабской эстетики.

Научный труд «Средневековая арабская поэтика» (1983) академика А. Б. Куделина - одно из ценных произведений, в котором рассматриваются и изучаются важные теоретические вопросы. Ученый подробно изучил вопросы, связанные с эволюцией классической арабской поэзии в отражении традиционной поэтики, формирование и развитие авторской индивидуальности в классической арабской поэзии, выявил мотив в арабской поэтике VIII-X вв., исследовал критерии теории «поэтических заимствований» в средневековой арабской литературе, дал представления об оригинальности в традиционной арабской поэтике, определил разнообразие арабской поэтики в VIII-X в.в. В другой своей работе - «Арабская литература: поэтика, стилистика, типология и взаимосвязи» (2003.) исследователь рассматривает различные аспекты арабской поэтики с новой точки зрения.

Касым Гуйсиркани также написал трактат «Споры о книге «Хадā'ик ас-сихр фи дакā'ик аш-ши'р» (1964) в котором рассматриваются и исследуются многие теоретические проблемы, на примере книги Рашида Ватвата. Не осталось в стороне и советское востоковедение, где важное место занимает кандидатская диссертация Н. Ю. Чалисовой «Трактат Рашидадина Ватвата «Хадā'ик ас-сихр фи дакā'ик аш-ши'р» (1980).

Огромное количество трудов по данной теме посвящено иранскими учеными, среди них: «Поэтика. Эстетика персидской речи» Мир Джалāладдин Каззāзй (1954), «Введение в риторику» (1975) Мухаммадхалила Риджāй, «Наука об образах и стилистике» Гуламмухсина Ахāнй (1978). Эти труды внесли весомый вклад в развитие персидской поэтики.

Мухаммадризо Шафи'и Кадкани в трактате «Музыка поэзии» (1980) обсуждает вопросы поэтики с новой научной точки зрения, заслуживающие должного внимания. Его подход в трактате «Новый взгляд на поэтику» (2005) продолжил Сирус Шамисо, впервые в персидской поэтологии разделивший предмет поэтики на тематические области. Научное значение в этой области имеет и трактат Мухаммада Фишораки «Критика поэтики» (2001), классифицировавший средств-фигур.

Поэтику с точки зрения эстетики изучал Таки Вахидийан Камйар (2005). Совершенно новым является подход Махмуда Футухи в «Мастерство изображения» (2007), исследовавший средневековые источники о поэтике с применением стандартов современной науки. Махди Мухаббати в трактатах «От изображения к значению» (2010) и «Новая поэтика» (2008), Саид Мухаммад Табибийāн в трактате «Равное в науке о поэтике на персидском и арабском языках» (основанный на анализе «ал-Мифтāха и Мухтасара ал-ма'āнй») (2010) также рассмотрели многие аспекты данного вопроса.

Махди Заркани в трактате «Классическая поэтика» (2011) в основном освещает теоретические вопросы в трудах восточно-мусульманских философов. Среди всех перечисленных трактатов только в трактате Саида Мухаммада Ростгу в «Искусство речи (наука о поэтике)» (2004) дано объяснение значению и содержанию поэтики, особенно терминам поэтики на персидском языке, которые в какой-то мере не только не упрощают решение данной проблемы, но и сбивают с толку.

В Таджикистане эту важную область литературы изучали такие ученые, как Худои Шарифов, Рахим Мусульманкулов и Абдунаби Сатторов. Кандидатская диссертация Х. Шарипова «Становление таджикской литературной мысли в X-XI веках» (1970) охватывает широкий круг теоретических вопросов, и только последняя часть диссертации посвящена теме персидско-таджикской поэтики. В докторской диссертации Р. Мусулманкулова «Атауллах Махмуд Хусайнй и вопросы таджикско-персидской классической поэтики» (1980), которая позже была издана как самостоя-

тельный труд под названием «Персидско-таджикская классическая поэтика X-XV веков» (1989), первая часть посвящена поэтике, а другие - метрике и рифме. Преимуществом работы этого ученого является то, что он впервые научно и сравнительно рассмотрел поэтику на основе 11 источников средневековой персидско-таджикской поэтики.

А. Сатторов в кандидатской диссертации на тему «Малая история персидско-таджикской литературной мысли» (1972) пишет о важнейших произведениях по персидско-таджикской теории о поэтике, таких как «Тарджумāн ал-балāга» Рāдуийāнī, «Хадā'ик ас-сихр фи дакā'ик аш-ши'р» Рашида Ватвата, «ал-Му'джам фī ма'āйир аш'ār ал-'Аджам» Шамси Кайса, «Бадāйе' ал-афкār фī санāйе' ал-аш'ār» Кāшифī и «Бадāйе' ас-санāйе'» Атауллы Маҳмуда Хусайнī. Он же рассмотрел науку о поэтике в отдельном исследовании «Литературно-эстетическая мысль Абдаррахмана Джами» (1975). Одним из фундаментальных трудов по поэтике является книга А. Сатторова «Аристотель и таджикско-персидская литературная мысль (IX-XV вв.)» (1984), которая высоко оценена отечественными и зарубежными исследователями.

Им же в трактате «Усовершенствование персидско-таджикской поэтики (на основе ранних и современных трудов)» (2011) впервые в современном таджикском литературоведении рассмотрено развитие художественных словесных и образных фигур, литературных терминов и поэтических изъяснений, выраженных на основе всех доступных произведений литературы Аджамы. Это явилось своего рода обобщением взглядов ученых, работавших на данной стезе, их единодушием, устранением разногласий и недоразумений в персидско-таджикской поэтике, где учтены и прошлый и настоящий опыт.

Одна из глав диссертации М. Шарифова называется «Шамс Кайс Рāзī – критик поэзии» (2009) и посвящена поэтике. Книга Р. Тагоймуродова «Взгляд Амира Хусрау в поэзии и мастерство речи» (2012) тоже посвящается на теоретической мысли Амира Хусрау.

Необходимо отметить, что в Таджикистане также проводились исследования на основе изучения поэтики прозы. Теоретические взгляды Худои Шарифова в основном обобщены в «Теории прозы» (2004). Таджикский ученый М. Нарзикул также освещает поэтические вопросы прозы в «Трактат Амира Хусрау Дихлави «И'джāзи Хусрави» («Чудо Хусрау») (2014) и «Эпистолярная традиция в истории персидско-таджикской литературы (X-XIV века)» (2014).

Автор настоящих данного исследования защитил кандидатскую диссертацию на тему «Ибни Рашик ал-Кайравāнī и его трактат «ал-Умда фī маҳāсин аш-ши'р ва āдāбих ва накдих» (2010), посвященную проблемам средневековой арабской теории поэтики.

Кроме того, в Таджикистане существуют учебники по поэтике, самый востребованный из которых - «Искусство слов» Т. Зехни (1978), «Поэтика и

красноречие» (2002) Х. Шарифова, «Теория литературы» (1990) Р. Мусульманкулова и «Введение в поэтику» (2005) авторов Х. Шарифова и У. Тоирова. Невзирая на обилие материала по данному вопросу, сравнительное исследование арабской и персидско-таджикской поэтики ранее не проводилось, что и явилось поводом для основы нашего научного исследования.

Цель и задачи исследования - определить степень взаимовлияния поэтики Араба и Аджамы, в частности, арабской и арабоязычной поэтики на теоретические разработки персидско-таджикских ученых, повлиявших на становление, развитие и формирование поэтики как самостоятельной науки на базе изучения восточных средневековых трактатов по поэтике (IX-XV).

Для достижения поставленной цели были сформулированы и решены следующие основные задачи:

- исследовать границы и нормы традиционных систем науки о поэтике Араба и Аджамы;
- определить предмет споров в контексте особенностей применения художественных средств (махāsини калām) с позиций структуры и классификации на словесные и образные (смысловые) (сан‘атхāи лафзй ва ма‘навй);
- выявить особенности использования научной терминологии, особенно в части наименования художественных средств, существующих между ними противоречий, способы применения, и их иное обозначение (именование) в персидско-таджикских теоретических трудах;
- рассмотреть художественные средства как неотъемлимые составляющие части литературы и ее выразительности;
- провести исследование на основе практического анализа «Тарджумāн ал-балāга» («Толкователь красноречия») Муҳаммад ‘Умар ар-Рāдуйāнй /ум. в кон. XI–нач. XII вв./ и «Маҳāсин ал-калām»-а («Красоты речи») Абу-л-Хасан Наср б. ал-Хасан ал-Маргинāнй /ум. в 1055/;
- дать сравнительный анализ «Хадā’ик ас-сихр фй дакā’ик аш-ши‘р» («Сады волшебства в тонкостях поэзии») Рашидадина Ватвата (1085/86 –1182/83) в сопоставлении с персидскими и арабскими источниками;
- рассмотреть свод правил персидской поэзии «ал-Му‘джам фй ма‘āйир аш‘ār ал-‘Аджам» («Свод правил персидской поэзии») Шамса Кайса Муҳаммада ар-Рāзй в сочетании с его арабскими источниками;
- изучить первоисточники «Бадāйе‘ ас-санāйе‘» Атауллаха Маҳмуда Хусайнй и основы возникновения сравнительной поэтики;

- определить степень общности художественных средств в арабской и персидско-таджикской поэтике;
- установить место и пути влияния арабской поэтики на персидско-таджикскую поэтику;
- определить степень влияния персидско-таджикской литературы на арабскую литературу, включая поэтику;
- изучить нововведения персидско-таджикских авторов на примере новых художественных средств, новшеств и дополнений в существующие формы и значения.

На защиту выносятся следующие положения:

- Литературная и теоретическая мысль составляют основу любой литературы. Следовательно, поэтика в полном смысле слова «наука о поэтике» указывает на высочайший уровень слова как в литературно-эстетической теории арабов, так и в литературной и эстетической теории персоязычных народов играя высочайшую роль в развитии мыслительных процессах общества. Исходя из этого, влияние арабской литературной и эстетической теории на формирование и эволюцию поэтики Аджамы является одним из наименее изученных, актуальных, нерешенных и довольно сложных вопросов сравнительного литературоведения. Среди западных и арабских ученых существовало мнение, что якобы персидско-таджикская поэтика в целом произошла под влиянием арабской поэтики. Однако, когда проблема оценивается с научной точки зрения, помимо подражания возникают и другие факторы различия наименования фигур, правил, нововведений и изобретения новых фигур и их типов. Наряду с выявлением этих проблем мы попытались, с самого начала определить развитие персидско-таджикской науки о поэтике как самостоятельной и обособленной литературной науки и показать дальнейшие этапы ее развития в средние века.
- Изучение и сравнение содержания существующих трактатов на персидско-таджикском и арабском языках показало, что они не имеют определенной системы. Мы постарались на основе авторитетных научных источников рассмотреть происхождение проблем арабоязычной и персидско-таджикской поэтики, таких как расположение фигур, традиционная система поэтики, её пределы, причины появления той или иной фигуры. Сирādжаддин ас-Саккākī ал-Хāразмī (XII век) первым в арабской и арабоязычной поэтике классифицировал средства-фигуры на основе теории Абд ал-Кāхира Джурджāнī на словесное и образное. Однако на основе теорий Ибн Сины и Насираддина Тусī мы доказали, что это первыми это сделали именно они, и Насираддин Тусī предложил учёному сообществу третий тип

- смысловые-образные, что тоже является новым. Кроме того, мы разделили и рассмотрели фигуры таких типов: смысловые, тематические, алфавитные и эстетические классификации.
- Способы распространения и влияния арабской и арабоязычной поэтики на персидско-таджикскую поэтику на примере сравнения «Мах̄асин ал-кал̄ам» ал-Маргин̄ан̄и и «Тарджум̄ан ал-бал̄ага» Ра̄дуй̄ан̄и и «Хад̄а'ик ас-сих̄р ф̄и дак̄а'ик аш-ши'р» Рашида Ватвата, а также впервые на основе исторического и сравнительного подходов к арабским источникам «Тарджум̄ан ал-бал̄ага», «Хад̄а'ик ас-сих̄р», «ал-Му'джам ф̄и ма'айир аш'ар ал-'Аджам» Шамси Кайса и «Бад̄айе' ас-сан̄айе'» Атауллы Мах̄муд Хусайн̄и, установлены впервые, которые все являются нововведением в востоковедении.
 - На основании исследований нами было установлено, что в персидско-таджикской науке о поэтике используются несколько типов влияний: копирование и подражание, тематическое влияние, семантическое влияние, образное влияние, взаимопроникающее влияние, и впервые мы использовали этот подход, приводя конкретные примеры для их освещения.
 - Общность поэтических средств-фигур является одной из важнейших проблем поэтики Араба и Аджам. Персидско-таджикская поэтика имеет много общего с арабской и арабоязычной поэтикой схожа в плане единообразия научных терминов, одинакового наименования, одинаковой сути правил и рассмотрения общей темы. Однако следует отметить, что средневековые персидские и таджикские ученые выбрали те фигуры, которые гармонируют с природой персидско-таджикского языка. Эта общность достигнута тремя способами: а) сохранением сути и ее совместимостью с литературным языком; б) учет интересов, вкусов и опыта читателя; в) замена арабских примеров образцами из персидско-таджикской поэзии и прозы, что, в свою очередь, тоже считаются нововведениями. В этой главе нами сделана попытка определить фигуры илтиф̄ат (поворот или переход), «мут̄абака» (сопоставление), муб̄алига (преувеличение), тадж̄ахул ал-'а̄риф (притворное неведение сведущего), которые широко используются в обеих поэтиках.
 - Вопросы, связанные со структурными и семантическими различиями между поэтиками Араба и Аджам, являются одним из основных и, в свою очередь, одним из сложных вопросов в литературоведения. На первый взгляд может показаться легко определить научные границы различий в поэтиках, но это совсем не так.
 - Напротив, сравнение и противопоставление авторитетных и незначительных источников поэтики Араба и Аджам, рассмотрение и

изучение норм науки о поэтике, соответствие или несоответствие описаний, научных терминов и сути их точного выражения с точки зрения грамматики, популярные и малоиспользуемые фигуры, различное наименование фигур считаются основными проблемами поэтики и требуют особого изучения. В результате систематического изучения предмета мы пришли к выводу, что в арабской, арабоязычной и персидско-таджикской поэтике присутствуют следующие различия: языковые (звуковые или согласные), научные или по наречению, поэтические и стилистические. Мы классифицировали различия в использовании этих фигур в арабском и персидско-таджикском языках (таджнис и его виды, иштикāk и шабахи иштикāk), изменение смысла слов в зависимости от места применения (мушāкила, таджрид, илтифāt), фигуры получившие более широкий смысл и применение в персидско-таджикской поэтике (радд ал-‘аджуз ‘ала-с-садр, лузуми мā лā йалзам или и‘нāt, истихдām, маклуб, ҳусн ат-та‘лил), фигуры имеющие большее смысловое применение в арабской поэтике (мувашшах, идмāдж, тафри‘, талмих), фигуры не принятые во внимание учёными Аджамы (ташри‘, тазйил, истидрāk, услуб ал-ҳаким) и типы фигур которым не придали значения поэтологи Аджамы (таджниси гайрилафзй, некоторые виды иштикāk-а, тасри‘-а тарджи‘-а, мувāриба, иктифā-а, нафй аш-шайин би иджāбиҳ-а, таджниси измār-а, виды илтифāt: такассй и тарāдуф ас-сифāt-а), фигуры не существующие в арабской поэтике (тарджума, муламма‘, бӯкаламун, такриб ал-амсāl бил-абйāt, муталаввин, мураддаф, суāлу джавāб, мукаррари мавкуф).

- Исследованию изъянов художественных фигур в поэтике, также является одним из основных вопросов в области арабской, арабоязычной персидско-таджикской поэтики. Ввиду этого, вопрос устранения имеющихся недостатков в сфере поэтики является весьма актуальным. В этом разделе мы попытались обсудить внутренние законы поэтики, включая ненаучные, поверхностные и ошибочные определения, повторяющиеся и устаревшие примеры, смешение рифмы, риторики и стилистики рассматриваемых средств-фигур.
- Одно из различий между арабской и персидско-таджикской поэтикой состоит в том, что Рāдуйāнй с самого начала представил её как самостоятельную науку. Следует отметить, что персидско-таджикская поэтика существовала до прихода ислама, в трудах на пехлеви. Джāҳиз сообщает, что у персов существует отдельная книга о науке поэтики, под названием «Кārванд». Кроме существования фигур чистāн (загадки), вопрос-ответ, исти‘āра (заимство-

вания), ташбих (сравнения), тамсил (приведение примера) и кинāйа (иносказания) в произведениях на пехлеви, в частности некоторых отрывках стихотворений свидетельствуют о том, что в персидско-таджикской литературе существовала наука о поэтике.

Кроме того, исследования показали, что арабская и персидско-таджикская поэтики имеют много общего, но и имеют отличия от арабской и арабоязычной поэтики. Данный подход впервые применен в древнейшем доступном трактате Рāдуйāнī по персидско-таджикской поэтике «Тарджумāн ал-балāга». В своем трактате он заявляет, что существуют «некоторые персидские особенности» в использовании фигур, о которых ничего не сказано в арабской поэтике. Позже также действует Рашиди Ватват назвавший это «минвāли Аджам» («стиль Аджам») и наконец Атауллах Махмуди Хусайнī доводит его до совершенства в теории «тарики шу‘арāи Аджам» («способы достижения изящества речи поэтами Аджам»), что несомненно является нововведением в науке о поэтике. Мы попытались внимательно изучить и средства художественного описания, имеющие «персидские особенности» нововведения и классифицировать фигуры на четыре группы: а) новые художественные фигуры; б) новые виды фигур; в) семантические дополнения в составе поэтических фигур; и г) искусные касыды или баде‘ия, впервые написанные Кивāми Мутарразī, которые появились столетием позже в арабской литературе под влиянием персидско-таджикской литературы.

Источники исследования. Работа основана на критическом анализе более 60 оригинальных источников арабской и персидско-таджикской поэтики, наиболее важными из которых являются:

а) арабские и арабоязычные:

«Ал-Байāн ва ат-табийин» («Книга ясного изъяснения и толкования») и «ал-Хайавāн» («Книга о животных») Джāхиза /ум. в 869 г./, «аш-Ши‘р ва аш-шу‘арā» («Поэзия и поэты») Ибн Кутайбы ад-Динаварī /828-889/, «Китāб ал-бади‘» («Книга о новом») Ибн ал-Му‘тазза /861-908/, «Накд аш-ши‘р» («Критика поэзии») Кудāмы ибн Джа‘фара /ум. между 922 и 948/, «Ийār аш-ши‘р» («Мерило поэзии») Ибн ат-Табāтабā /ум. в 933/34/, «аґ-Синā‘атайн» («Книга о двух искусствах») Абу Хилāла ал-‘Аскарī /ум. ок. 1005/, «Асрār ал-балāга» («Тайны красноречия») и «Далāил ал-и‘джāз» («Доказательства неподражаемости») Абд ал-Кāхира Джурджāнī /ум. в 1078/, «ал-‘Умда фī махāсин аш-ши‘р ва āдāбих ва накдих» («Опора в красотах поэзии, ее науках и критике») Ибн Рашика Кайравāнī /1000-1064 /, «Тафсир ал-Кашшāф» («Книга об иносказаниях») Джāруллаха Замахшарī /1075-1144/, «ал-Масал ас-сāир» («Образец») Ибн ал-Асīра /1163-1239 /, «Мифтāх ал-‘улūм» («Ключ к наукам») Сирāджаддина ас-Саккākī ал-Хāразмī /1160-1228/, «ал-Изāх фī ‘улум ал-балāга» («Комментарии к поэтике») Джалāладдина Хатйба

ал-Казвйнӣ /1267-1338/, «ал-Мухтасар» («Избранное»-досл.кратко-У.Ю.) и «ал-Мутаввал» («Комплексное» - досл. удлиненное –У.Ю.) Са‘даддина ат-Тафтāзāнӣ /1322-1390/;

б) персидско-таджикские:

«Гарджумāн ал-балāга» Муҳаммада ‘Умара ар-Рāдуйāнӣ, «Хадā’ик ас-сихр фӣ дакā’ик аш-ши‘р» Рашида Ватвата, «ал-Му‘джем фӣ ма‘āйир аш‘ār ал-‘Аджам» Шамса Кайса ар-Рāзӣ, «Асās ал-иктибās» и «Ми‘йār ал-аш‘ār» (“Мера поэзии”) Насираддина Тусӣ /1201-1274 /, «Дакā’ик аш-ши‘р» («Тонкости поэзии») ‘Алӣ б. Тāдж ал-Халāвӣ /XV в./, «Хадā’ик ал-хакā’ик» («Истины садов») Шарафаддина Рāмӣ / ум. в 1393/, “Ми‘йār-и Джамāлӣ ва мифтāх-и Абуисхāкӣ» («Мера Джамали и ключ Абуисхаки») Шамса Фахри Исфахāнӣ /XIV в./, «Бадāйе‘ ал-афкār фӣ санāйе‘ ал-аш‘ār» («Чудеса мысли в искусстве поэзии») Хусайна Вā’иза Кāшифӣ /1461-1504/, «Бадāйе‘ ас-санāйе‘» («Мастерство поэзии») Атауллаҳа Маҳмуда Хусайнӣ (1430/40-1513), «Мадārйдж ал-балāга» («Степени поэзии») Ризāкулихана Хидāйата /1800-1871/, «Абда‘ ал-бадāи‘» («Высоты творения») и «Кутūф-ар-раби‘ фӣ сунūф ал-бади‘» («Весение плоды в классификации поэзии») Муҳаммадхусайна Гаракāнӣ/1844-1927/.

Объектом исследования являются арабские и персидско-таджикские теоретические источники о поэтике и диваны (собрания сочинений) поэтов Араба и Аджам.

Предметом исследования являются проблемы сопоставительного анализа арабской и персидско-таджикской поэтики, в частности художественных средств отображения, являющихся структурно и тематически схожими, однако по-разному используемых в поэзии.

Методы исследования. Диссертации базируются на историческом, историко-сравнительном, прикладном и типологическом подходах, а также важнейших достижениях современного литературоведения. Безусловно, из вышеперечисленных методов, по нашему мнению, для исследования литературной мысли и эстетических воззрений Востока более приемлемым методом является сравнительно-типологический подход, так как таким образом легче обеспечить идентификацию хронологии их формирования в сочетании с новыми литературными тенденциями и взглядами, эстетическими ценностями народов, литературных кругов, включая поэтику и эстетику исследуемого периода.

Теоретико-методологические основы исследования. При написании диссертации использованы методы исследования известных отечественных и зарубежных ученых, таких как В. В. Бартольд, Е. Э. Бертельс, Э. Браун, И. Ю. Крачковский, Ш. Ну‘мани, А. Бадави, Б. Табана, Ш. Зайф, М. Бахар, С. Нафиси, А. Зарринкуб, Дж. Хумаи, М. Мухаммади, Ш. Кадкани, С. Шамиса, М. Мухаббати, М. Заркани, А. Б. Куделин, Б. Я.

Шидфар, А. Афсахзод, А. Сатторзода, Р. Мусулманкулов, Х. Шарифов, Н. Чалисова, Н. Зохидов, Т. Мардони и др.

Используя методы признанных ученых в области поэтологии диссертантом изучаются терминология и иные особенности используемых языков, в которых сравнения даются, в основном, в соответствии с существующей традицией востоковедения на постсоветском пространстве и выработанной советскими специалистами.

Научная новизна исследования. В диссертации впервые комплексно рассматриваются вопросы сравнительного изучения теоретического и литературного воззрения Араба и Аджама. Работа доказывает, что арабоязычная поэтика оказала существенное влияние не только на развитие и эволюцию литературно-теоретических воззрений персидско-таджикской литературы, но и стала основополагающим фактором создания базовой научной теории персидско-таджикской поэтики. Диссертация представляет собой первый опыт сравнительного анализа поэтики Араба и Аджама на основе исследования достоверных классических трактатов IX-XV веков, всестороннего изучения теоретических воззрений исследователей средневековья и их вклада в развитие персидско-таджикской литературной теории.

Автор, исследуя проблему «отсутствия литературной системы» (адами низāми адабӣ) в науке о поэтике Араба и Аджама, доказал, что арабская и персидско-таджикская поэтика не только имеют традиционно сложившуюся систему отображения, но и имеют свои границы, нормы, подходы и специфическую терминологию.

Науке хорошо известно, что деление художественных средств на словесные и образно-смысловые принадлежат перу Сирādжуддина ас-Саккākй ал-Хāразмӣ, автора «Мифтāх ал-'улӯм». Однако Хāразмӣ, базируясь на мнения авторов «Фанни ши'р» и «Асās ал-иктибās» («Основы цитирования»), доказал, что такая классификация художественных средств берет свое начало с нововведений Авиценны и Насирадина Тусӣ, и ввиду их формулирования на базе теоретических воззрений Аристотеля, не вошедших в теоретические разработки данного направления Араба и Аджама. В то же время автор, учитывая значимость художественных средств, в соответствии с их составными особенностями уделяет особое внимание вопросам соотношения изящества поэтического слова по отношению к сути литературы и ее неотделимой составляющей и рассматривает их художественную и эстетическую ценность.

Анализ теоретического наследия прошлого имеет огромное значение в решении многих вопросов сравнительной литературы, правильном определении научных принципов, литературных норм, стилистики, литературной критики, которая является составной частью науки о поэтике и, наконец, дальнейшего развития персидско-таджикской литературы и литературных связей.

Определение степени влияния арабских мастеров, сопоставительный анализ теоретических работ и, в частности, выявление арабских источни-

ков, таких признанных теоретических трактатов как «Гарджуман ал-балāга» Мухаммада ‘Умара ар-Радуйанī, «Хадā’ик ас-сихр фī дакā’ик аш-ши‘р» Рашида Ватвата, «ал-Муджам фī ма‘айир аш‘ар ал-‘Аджам» Шамса Кайса ар-Разī, «Бадāйе‘ ас-санāйе‘» Атауллаха Махмуда Хусайнī, как первая попытка применения сравнительных норм поэтики в исследовании науки балāга, в том числе и поэтики как таковой в целом, неоспоримо важна и играет ключевую роль в изучении процесса дальнейшего развития персидско-таджикской поэтики. Такой сравнительный подход к работам в контексте новых теоретических концепций, являющихся приоритетом автора этих строк, тесно переплетаются в рамках анализа 1) пересказа и перевода или же переноса и перевода текста; 2) тематического влияния; 3) художественного и профессионального воздействия; 4) обратного противодействия; 5) переписывания и подражания художественным средствам, дала возможность впервые использовать его при определении степени воздействия сравнительной поэтики и является методической новизной диссертации.

Следует отметить, что в диссертации детально рассматриваются языковые различия, тождественность использования художественных средств-фигур в арабской и персидско-таджикской поэтиках, изменения слов в контексте определений, средства-фигуры, имеющие более широкий охват в персидском обороте, средства-фигуры, имеющие большее значение в арабской поэтике, не востребованность средств-фигур поэтами Араба и Аджам, средства-фигуры, отсутствующие в арабской поэтике, различия в наименованиях и т. д., которые не имеют аналога и во многом новы.

Автор стремился в контексте новых научных подходов, впервые практически исследовать такие насущные проблемы сравнительной поэтики (бади‘и татбикī), как единообразие научных терминов (муштаракāti истилāхāti ‘илмī), схожесть наименований (яксанī дар нāмгузārī), идентичность определений и общность темы (мавзū‘āti муштарак) в художественных средствах (махāсини калām) по следующим параметрам:

1. Под наименованием, которое используется в арабском языке;
2. Под наименованием, менее востребуемым в арабском обиходе;
3. Под наименованием, не известном в арабском языке;
4. Под новым или переведенным наименованием с арабского языка;
5. Использование художественного средства с небольшой разницей;
6. Использование художественного средства в разных формах (по усмотрению);
7. Новые художественные средства и виды, присущие персидско-таджикскому языку;
8. Художественные средства, проигнорированные специалистами Аджам;

9. Художественные средства и новые виды, присущие арабскому языку и не соответствующие природе персидско-таджикского языка.

В то же время, в рамках сравнительно-типологического подхода были представлены способы выявления названий художественных средств, благодаря которым осуществилась их детализация и тщательный анализ.

При определении специфики и степени отличия художественных средств двух литератур, особое внимание было уделено постановке таких вопросов, как: а) языковые различия (ихтилафи забанӣ); б) отличия научного характера или наименования (ихтилафи фаннӣ ва намгузарӣ); в) художественные противоречия (ихтилафати бади'ӣ); г) расхождения определений (ихтилафати байанӣ), которые в проведенных ранее исследованиях не имели аналога.

Проблемы введения новых художественных средств, новых литературных произведений и заимствований или введения смысловых дополнений в определении художественных средств является одним из центральных вопросов персидско-таджикской поэтики. В этой связи автору удалось показать на конкретных примерах степень введения новшеств Мухаммадом 'Умаром Радуянӣ, Рашидом Ватватом, Шамси Кайсом, Амиром Хусрау, Шарафудином Рамӣ, Хусайн Ва'изом Кашифӣ и Атауллахом Махмудом Хусайнӣ и таким образом доказать, что они наряду с подражаниями, ввели не только коррективы в установившиеся правила, но и внесли существенные изменения и дополнения в видовую структуру и смысловое начало персидско-таджикской классической поэтики, внося, таким образом, значительный вклад в ее развитие и эволюцию.

Научно-теоретическая ценность диссертации. Научные результаты работы могут быть использованы в литературоведении, языкознании, стилистике и литературной критике, написании академических и университетских учебников по истории персидско-таджикской литературы, истории арабской литературы и периода арабоязычия, истории теоретических воззрений и эстетических ценностей Араба и Аджамы, научных работах по проблемам классической сравнительной поэтики, разработке теоретических вопросов литературы и литературной критики, стилистики, поэтики, методических пособиях по теории персидско-таджикской литературы и арабской поэтики. Также исследование полезно для развития научных, литературных и культурных связей между Таджикистаном и арабскими странами.

Терминологическая система, разработанная диссертантом в ходе перевода на русский язык арабоязычных и персоязычных трактатов по поэтике и риторике, может служить научной и методической базой для дальнейшей работы по переводу и подготовке критических текстов средневековых источников.

Хронологические рамки исследования. Диссертация охватывает теоретические трактаты IX-XV вв. и рассматривает вопросы взаимовлияния и взаимообогащения, общности и отличий, и главное, качества и ко-

личества заимствований и новаторства в системе художественных средств персидско-таджикской поэтики.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Диссертация соответствует специальности 10.01.08 – Теория литературы. Текстология. Диссертационное исследование выполнено в соответствии со следующими пунктами паспорта специальности: пункт 3 - дальнейшая разработка соотношения теории литературы, поэтики и традиционной лингвистики, прежде всего лингвистической (поэтической) стилистики; пункт 5 - дальнейшая разработка научных основ поэтики, как теории литературно-художественного стиля; пункт 6 - дальнейшая разработка соотношения категорий (классификаций) литературно-художественного стиля, творческого метода, жанра, речевого стиля и других, конкретных научно-методологических категорий; пункт 7 - дальнейшая разработка вопроса об уровне соотношений теории литературы и, в частности, поэтики с системами структурного и постструктурного анализа, с категориями герменевтики, деструкции и т.д.

Апробация работы. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на расширенном заседании отдела истории литературы Института языка и литературы им. Рудаки Национальной академии наук Таджикистана (протокол № 4, от 25.02. 2020 г.).

Основные положения диссертации отражены в одной монографии, 19 статьях, объемом 14,5 печатных листа, опубликованных в научных журналах, входящих в перечень рецензируемых изданий ВАК Российской Федерации, перечень которых прилагается к настоящему автореферату. Отдельные моменты работы представлены на традиционных семинарах и конференциях Института языка и литературы им. Рудаки (2016-2021).

Структура диссертации. Работа состоит из введения, пяти глав, 15 параграфов, заключения и библиографии.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается тема исследования, дается анализ степени изученности проблем средневековой арабской и персидско-таджикской поэтик, раскрываются предмет и цели диссертации, актуальность предлагаемого соискателем подхода к избранной теме, научная новизна, теоретическая и практическая ценность. Автором уделено особое внимание постановке проблемы сравнительно-типологического изучения литературно-эстетической мысли Востока.

Глава I «Традиционная система науки бадии», рассматривает комплекс вопросов в трех параграфах. **В разделе 1.1. «Введение в науку бадии- поэтику»** автор ставит перед собой задачу доказать несостоятельность утверждения об «отсутствии традиционных систем поэтики» (набу-

ди низāми суннати фанни бади‘), озвученных некоторыми учеными, и на основе содержания трактатов теоретического характера Араба и Аджама, изучении насущных проблем средневековой поэтики, в частности форм, видов, содержания и применения художественных средств, научных границ изящества слова, параметры их воздействия, классификацию художественных средств на два вида: лафзй (словесные) и ма‘навй (образно-смысловые), цели и задачи освоения поэтики как науки, составляющей основу художественной системы и исследовательского направления литературоведения, и таким образом определение места и значения традиционной системы самой науки о поэтике как «ценной литературной системы» (низāми арзишманди адабй), которая имеет общую структуру и историю.

Безусловно, арабская и персидско-таджикская поэтика в средние века имела определенную систему. Из средневековых теоретиков литературы и эстетики Араба и Аджама только Абд ал-Кāхиру Джурджāнй удалось в двух своих шедеврах - «Асрāр ал-балāга» и «Далāил ал-и‘джāз», на научной основе детально обосновать делимость «калāма» (изящного слова) на прозу и поэзию (ба назму наср таксим шудани калāм), «фасāхат» (словесность, правильность речи) и «балāгат» (красноречие, риторика), «мухāлифати кийās» (несогласованность и несовершенство), «за‘фи та‘лийф» (слабость или несостоятельность изложения), «салāсат» (плавность) и «джазāлат» (прочность), «гарāбат» (необычность), «танāфур» (диссонанс или несоответствие), «та‘киди лафзй ва ма‘навй» (восприятие, переплетенность и сложность, языковое и смысловое), «татабў‘и изāфāt ва касрати такрār» (наличие изафетов (дополнений) и повторов), «фасāхати калима» (совершенство слова), «фасāхати калāм» (совершенство речи) и «фасāхати мутакаллим» (совершенство говорящего), которое следует признать достойным примером традиционной системы науки о стихосложении – поэтики средних веков. Безусловно, эти критерии и по сей день определяют художественную ценность речи в контексте «‘илм ал-балāга» - поэтики. К такому подходу в арабской словесности следовали Фахрадин ар-Рāзй, Сирāджаддин ас-Саккākй, Хатйб ал-Казвинй, Са‘даддин ат-Тафтāзāнй, которые являясь представителями таджикского народа, в связи с веяниями времени, социально-политических и культурных интересов творили на арабском языке.

В средневековых персидских трактатах, где «мастерство мэтров существенно отличаются и разнообразны» [41,5], которые конструктивно отличаются от арабской, рассматриваемые вопросы представлены в двух параметрах: а) в качестве введения в науку о поэтике (тамхидоти фанни бади‘), б) в качестве поэтических недостатков, в конце книги (Кāшифй, Атауллах Махмуд Хусайнй). В соответствии с современными требованиями поэтики как таковой и современным научным нормам, имеющим

определенные системы, нам кажется, целесообразно разделить эту терминологию на две части: а) терминология, рассматривающая нормы поэтики в рамках литературной системы («калām» (слово), «сухани адабӣ» (литературная речь), «назм ва наср» (поэзия и проза), «фасāҳат» (словесность), балāгат (красноречие, изящество, ясность) «салāsат» (плавность) и «джазāлат» (прочность), «фасāҳати калима» (совершенство слова), «фасāҳати калām» (совершенство речи) и «фасāҳати мутакаллим» (совершенство говорящего) и т. д.); б) терминология, направленная на определение стихотворных недостатков, приводимых либо в виде отдельной главы, либо в отдельности, после рассмотрения литературного обозрения, как это представлено в «Такмилаи бади‘и фāрсии тāджикӣ» [9,209-351].

Цель поэтики (или теория риторики или литературы) – это, по мнению классиков, изучение «реализации единственного смысла в разных ипостасях»¹ и, как говорят современные авторы, «пути и способы создания литературных произведений» [39,23]. Следовательно, «бади‘» (поэтика) в словарях представляется как «падйдāваранда» (создающая), «навāваранда» (творящая), «нав» и «тāза» (новый), «шигифтанзез» (удивляющая), «суханārāй» (украшающий речь), «нāдйрагūй» (уникально выражающийся) «чизе, ки каблан вуджуд нāдāшта» (то, чего не было досель). В литературном плане - это наука, которая исследует эстетическую красоту, в том числе «муҳассинāти зāтийа» (субстанциальные фигуры) и «муҳассинāt-и‘аразийа» (акциденциальные фигуры). По определению классиков, поэтика - это наука, сутью которой является «вуджūхи таҳсйни калām» (способ украшения слов), включающая в себя «санāи‘-и бади‘ӣ» (художественные средства). Согласно исследованию Абдунаби Сатторзода: «Насираддин Тусй в «Ми‘йār ал-аш‘ār» назвал «‘илми маҳāсин ва бадāи‘и сухан» (наукой об изяществах и красотах речи) или «‘илми сан‘ат» (наука о поэтических фигурах), которое, насколько нам известно, является самым древним определением этой науки в истории персидско-таджикской теории литературы» [9,5].

Хатйб ал-Казвйнй - один из тех исследователей, который в своей работе «ал-Изāҳ» смог не только определить границы науки поэтики, но правильно оценить ее цели: «Поэтика - это наука, посредством которой определяется предел «вуджūхи таҳсйни калām» [21,287]. Из этого определения, очевидно, что поэтика имеет две задачи: а) рассмотреть украшения или красоту слов, которые называют «словесными поэтическими фигурами или тропами». Эта часть поэтики больше опирается на графическое (буквенное) отображение, но в то же время тесно связана с музыкальностью и мелодичностью; б) исследовать скрытые значения речи

¹ Данный вопрос входит и в систему задач словесности (‘илм ал-байāн).

(слова), такие как придание смысла и описание, то есть мастерство художественного слова (речи), которую называют «образные фигуры».

В то же время другой теоретик ат-Тафтāзāнī пытался выделить основные направления поэтики: 1) «вузūхи сухан ва далāлати калām бар ма‘нā» (ясность слова (речи) и доказательность в смысле); 2) «та‘сīри калām ва истихкāми ма‘нāи āн» (влияние слова (речи) и устойчивость ее смысла); 3) «збāй ва дилнишйн будани сухан» (красота и привлекательность слова (речи) [18, 326]. В частности, третье направление данной теории выражает суть поэтики, т. е. проявляет красоту, и таким образом отождествляет основную функцию поэтики в литературе. Именно с помощью художественного отображения образный язык переводится в поэзию или прозу и дает вторую жизнь словам. Поэтому красота – это, сущность поэзии (тахсйни калām джавҳари ши‘р аст).

Иранский ученый С. Шамисо считает поэтику, наряду с ‘арудом (просодией) и кāфийа (рифмой), являющиеся составной частью поэтики, одной из самых «ценных литературных систем» (низāmхāи арзишманди адабī), но в то же время подчеркивает, что «к сожалению, как и многие другие наши литературные системы, веками не развивались и не эволюционировали» [26,19].

Среди наиболее важных и актуальных вопросов науки о красотах речи (муҳассинāti калām) особое место занимают вопросы, связанные с порядком постановки проблем научной идентификации терминов, названий, определение самой «поэтической фигуры», и правила использования художественных средств выражения. В этой связи автор попытался наряду с термином «сан‘ат» – фигура (средство выражения, отображения), использовать «ārāйа» (Ибн Сйнā), «хилат» (Насираддина Тусй), «синā‘ат» (Рāдуийāнī), «махāсини назму наср» (Ватват), «сан‘ати сухан» (Шамси Кайс).

Кроме того, использование таких терминов (на персидском языке), как «тарфанд», «шигард» и «найранг», которые персидско-таджикские теоретики использовали как синонимы «сан‘ат» (фигур и троп), свидетельство древней истории персидско-таджикской поэтики. Эта точка зрения подтверждается двумя высказываниями великого арабского теоретика Джāхиза: а) «Кто хочет постичь суть науки о красноречии (поэтики) и понять редкостные слова и вникнуть в их глубину, обязан прочесть книгу «Кārванд» [20/4,3]. Второе высказывание относится к его противопоставлению персидской и арабской поэтик: «арабская поэтика экспромтна и остроумна, персидская же, в свою очередь, формируется благодаря долгим размышлениям, слиянию в одно целое осмысления, пояснения, согласование и затем пересказа с первого знания и больше третьего, чем второго и наконец включает в себя все существующие правила и обстоятельства» [20/3,20].

Другой проблемой, которая привлекла внимание автора диссертации, является выбор нескольких литературных терминов в обозначении одной

литературной фигуры, которая остается трудной и нерешенной по сей день. Ибн ал-Му‘тазз, основатель арабской поэтики, в предисловии к своему трактату признает, что наречение поэтических фигур не его заслуга, а он всего лишь тот, кто собрал воедино то, что содержится в Священном Коране, изречениях посланника Аллаха, словах его сподвижников, бедуинов и других (людей), в стихах предшествовавших (поэтов), которые позднейшие (ученые) назвали «новым», то есть «бади‘ом». Такие поэты как Башшар ибн Бурд (714–783), Муслим ибн Валид (747–823), Абу Нувас (ум. 810) (все трое персы - У.Ю.) и Абу Таммам не выделяли науку бади‘ как таковую, но они, по сравнению с другими, использовали их значительно больше и лучше [5/6,280].

Терминология, выбранная Ибн ал-Му‘таззом для определения поэтических фигур, была воспринята последующими теоретиками позитивно и увеличена многократно. Единственным исключением стали наречения поэтических фигур, которые каждый старался назвать по-своему, чему основой послужило утверждение самого Ибн ал-Му‘тазза: «Может быть, некоторых, кто был не в состоянии опередить нас в сочинении этой книги, душа будет соблазнять и побуждать разделить с нами эту заслугу. Он назовет какую-нибудь категорию «нового» иначе, назвали чем мы, или прибавит в какой-нибудь главе книги выражение прозаическое, или разъяснит стих, которого мы не толковали, или упомянет стих, который мы оставили без упоминания, потому что некоторые из них в определенной категории не достигают (того результата), как другие, и мы их упустили, или потому, что упомянутого нами вполне достаточно. Ведь нет ни одной книги, в которой при желании это было бы невозможно. Наша же цель в этой книге разъяснить людям, что поздние (поэты) не опередили древних ни в чем, из родов «нового» [5/6, 281].

Это пожелание, предоставленное Ибн ал-Му‘таззом, привело к серьезным проблемам в выборе конкретных терминов для поэтических фигур. Ввиду важности вопроса, он также привлёк внимание современника Ибн ал-Му‘тазза, автора известного трактата «Накд аш-ши‘р» Кудāму ибн Джа‘фара, рассматривая данный вопрос с новой позиции, иногда противоречит своему предшественнику: «Всякий раз, когда видел, что в слове есть много смыслов и фигуры, которые еще не имели своего имени, я пытался найти для них имя и делал это. Поскольку имена - не более чем знаки, так нет и смысла спорить над этим. Если специалисты удовлетворятся предложенными именами – это прекрасно! Но если кого-то это не удовлетворило, пусть нарекут так как им нравится и нет смысла спорить или противоречить» [30, 224].

Кудāма не согласился с Ибн ал-Му‘таззом только по наречению семи фигур, а во всем остальном был с ним согласен. Важно то, что благодаря

усилиям этих двух пионеров арабской науки о риторике возникли 20 новых фигур – художественных средств.

Мухаммадхусайн Гараканй в предисловии к «‘Абда‘ ал-бадаи‘», в том месте где рассматривает вопросы количества поэтических приемов, подчеркивает, что это одно из самых значимых достижений поэтики Араба и Аджамы: «Затем Абуласба‘ Андалусй, Абу Хилал Аскарй и Абулаббас Кайраванй добавили еще 40 средств. Далее Абд ал-Кахир Джурджанй в «Асрар ал-балага» и «Далайл ал-иджаз» и Хамидаддин Балхй (996-1021 г.) в «Макамат ва макалат» и Рашидаддин Ватват в «Хад‘ик ас-сихр фй дака‘ик аш-шир» и Такиуддин Хамави в «Хизанат ал-адаб» и Сафиуддин Хилли в «Кафийат ал-бади‘ийа», Шамсуддин Хиварй в «Бади‘ийат ал-‘умйан» и Такиуддин Каф‘амй в «Фарадж ал-караб шарх бади‘ийа Макарий» и Садруддин Маданй в «Анвар ар-раби‘» довели их до 150 и более» [37, 29].

Насраллах Такави в своем трактате «Ханджари гуфтар» приумножил количество художественных средств в более чем 220 разновидностях» [19, 10].

Еще одна проблема, на которую обращает внимание автор, и на которую не обратили должного внимания специалисты Араба и Аджамы – это проблема принципиальных характеристик художественных средств с позиции эстетики, которая является самой сутью науки о поэтике (бади‘е). Поскольку основу принципиальных характеристик художественных средств составляет теория «василахй айрйиши сухан» (способы украшения слова-речи), поэтому, учитывая эстетическую красоту и ее художественную ценность, современные персидские специалисты разделили художественные средства на две части:

Во-первых, это неотъемлемая составная часть литературы.

Важнейшими факторами красоты являются, конечно же, художественные средства-фигуры, и благодаря этой ценности художественные средства-фигуры признаются неотъемлемыми и составными частями литературы (фусул-и затийа), так как язык поэзии – это не язык новостей, а язык метафор. Большая часть художественных средств являются неотъемлемой составной частью литературы (джузви ла йанфакки адабийат).

Во-вторых, составная часть литературы (джузви зати адабийат). Часть специалистов благодаря продолжительному исследованию пришли к такому выводу, что красота художественных средств, вытекающих из ‘илм ал-байана (стилистики) и ‘илм ал-ма‘анй (риторики), являются естественными (затийа). Красота же поэтики – это побочное, искусственное (‘аразийа). С этой точки зрения, прежде всего, речь должна обладать природной, естественной красотой, и при ее использовании в кругу художественных средств, ее красота удваивается. К природным, естественным

составляющим литературы следует отнести «мубāлига» (преувеличение), «игрāk» (сверхпреувеличения или чрезмерное описание), «гулувв» (гиперболу), «ихāм» (двусмысленности), «тадāдд» (антитеза или противопоставление), «мухтамил ли-д-диддайн» (удвоенное противопоставление), «истихдāм» (специальное использование или особое применение). С. Шамисо к естественным составляющим причисляет «мубāлига», «игрāk», «гулувв», так как считает их частью мифологического наследия, где герой ведет себя не как простой смертный, а принимает более загадочно-мифологический характер. Поэтому их нельзя считать художественными средствами. Он считает, что «мубāлига», «игрāk» и «гулувв» принимают художественный аспект, который сопровождается другим средством [26,96]. В этом случае возникает «смысловое соответствие» (танāсуби ма'навī) или духовная музыка (мусикии ма'навī) в результате сходства повеления или поступка с другим повелением или делом» [26,97] и таким образом увеличивает их эlegantность (лаṭāфат) и красоту (зебāй). Или, подобно «ихāм» (вызывание сомнения), которое наряду с основным смыслом намекает на переносное, аллегоричное значение стихотворения, рождает красоту, становится художественнее и более выразительным.

Раздел 1.2. называется «Классификация литературных приемов в классической персидско-таджикской поэтике». В средние века, как известно, ученые Араба и Аждама, по смыслу и структурным особенностям разделили художественные средства на две группы: словесные (лафзī) и образно-смысловые (ма'навī), которое применяется и сегодня. Вместе с тем, современные исследователи, продолжив теоретические разработки предшественников, внесли свой весомый вклад, вводя в оборот новые направления. Опираясь на источники и исследования арабских и иранских ученых, по нашему мнению, средства – фигуры следует разделить на две основные группы.

Самым важным достижением данной главы является выявление классификации художественных средств на словесные и образные Ибн Сīны и Насирадина Тусī еще на пороге детального канонизирования самой поэтики как науки.

Ибн Сīнā в своей работе «Талхиси “Фанни ши'р» (Комментарии к «Поэтике») в части «Логики» «Китāб аш-шифā» («Книги исцеления»), где рассматривает риторику, виды поэтических фигур и греческую поэзию в целом, и делит составные словесные и образные творения на две части:

а) Без использования художественных фигур: в этом случае само выражение (лафз) безо всяких фигур является изысканным и само значение (ма'навī) без художественных средств сильно поражает воображение, а в слове есть чистота и значение слова;

б) С использованием уравнивающих словесных и образных значений: в этом случае произведенный словесный продукт, является результатом словесных или смысловых оборотов, каждый из которых либо прост, либо сложен. Например, следует упомянуть о таких сложных словесных фигурах «садж‘» (рифмованной прозы), сложностях метрического характера (равенство, параллель), «тарси‘» (внутреннюю рифму; полный ритмико-синтаксический параллелизм), калб (перевертыш, инверсирование) и фигуры, о которых было упомянуто в главе о риторике [14, 63].

Ибн Сйнā на основе сопоставления и сравнения структур художественных средств подчеркивает: «Примеры фигур, основу которых составляет словесность» [14, 64] и повторно делит средства-фигуры на словесные и образные-смысловые: «И все они (поэтические т.е. художественные фигуры - У.Ю.) являются либо словесными, либо образными-смысловыми» [15,501].

Как видно из этих мнений, в X веке в персидско-таджикских философских трактатах наблюдается классификация художественных средств, подобия, которого нельзя обнаружить в арабских трудах.

Насирадин Тусй в своем трактате «Асās ал-иктибās», поддержав теорию классификации Ибн Сйны, вместо термина «сан‘ат» (фигура) использовал «хилатхāи синā‘й» (художественные приемы-фигуры), которые также, разделил на две группы – словесные и образные.

Более того, Хāджа Насирадин был первым ученым в истории персидско-таджикской литературы, расширившим частотный диапазон художественных фигур, разделив их на три части: 1) словесные; 2) образные и (3) словесно-образные [29, 588-589]. Хотя теоретические разработки Хāджи Насирадина минимизированы и компактны, они обладают многозначительностью интерпретации. К сожалению, это новое видение Хāджи Насирадина не было замечено не только отечественными современниками, в частности Шамсом Кайси Рāзй, но и арабскими специалистами. Такая классификация не наблюдается и в работах более ранних философов, чем Авиценна.

Подобная классификация в арабской поэтике возникла благодаря Сирāджадину ас-Саккākй, во второй половине XII в. В связи с разделением науки на три отдельные науки – ‘илм ал-ма‘āнй (риторика), байāн (стилистика) и бадй‘ (наука о поэтических фигурах, поэтика), последнюю из которых ас-Саккākй также делит на словесные и образные. Так как «Мифтāх ал-‘улūм» входил в число пособий медресе мусульманского мира, он быстро приобрел широкую известность.

Кроме того, следует особо отметить, что в истории арабской поэтики только Бадрадин Мухаммад ибн ат-Тāй в третьей главе «ал-Мисбāх фи ‘улūм ал-ма‘āнй ва ал-байāн ва ал-бадй‘» делит образные фигуры еще на

две группы: «ифх̄ām» и «тафх̄йм» (разъяснение и толкование), «мазх̄аби калām̄й» (диалектический приём), «татмим» (завершение), «таксим» (разделение), «их̄тирās» (предосторожность), «тазйил» (приложение), «и́тирād» (прерывание), «таджрид» (абстрагирование), «мубāлига» (преувеличение) ва «тазйин и āрāстагй-и калām̄» (украшение и красочность речи), «лаффу нашр» (свертывание и развертывание), «джам' ма'а-т-таксим» (сочетание с разделением), «джам' ма'а-т-тафрик» (сочетание с различением) [27, 431].

Хотя эта классификация сумбурна и не имеет конкретной цели, автор пытался внести изменения в традиционную арабскую поэтику, которые, к сожалению, не увенчались успехом.

Глава II названа «Пути проникновения и влияния арабоязычной поэтики на персидско-таджикскую поэтику», где исследуются способы взаимопроникновения и влияния арабской и арабоязычной поэтики на персидско-таджикскую поэтику, являющуюся одной из основных и малоизученных проблем в теории восточных литератур.

В разделе 2.1. «Сопоставительный анализ «Мах̄āсин ал-калām̄» Маргинāнй и «Тарджумāн ал-балāга» Рāдуйāнй» рассматривается влияние арабоязычной поэтики на создание первого трактата по персидской поэтике.

Влияние в литературе в целом, и в персидско-таджикской поэтике, в частности, является обычным литературным явлением, берущим начало с «Тарджумāн ал-балāга», самого древнего трактата на эту тему. К примеру, Рāдуйāнй в предисловии к своему сочинению подчеркивает, что «большинство глав этой книги в построении заимствованы и построены в том виде, что и в трактате «Мах̄āсин ал-калām̄»-а Хāджи Имāма Абу-л-Хасан Наср б. ал-Хасан ал-Маргинāнй [23,3]. Кроме того, чуть ранее, он конкретно говорит, что «виды балāгат им взяты из арабского и представлены на персидском» (аджнāси балāгатро аз тāзй ба пāрсй āвардааст) [23, 3]. Это свидетельствует также и о том, что автор наряду с главным своим источником, опирался и на «аз-Зухра»² Мух̄аммада ибн Дāвуда ал-Исфāхāнй. В то же время, согласно свидетельству Фазлуллаха Ардāнй, автор «Тарджумāн ал-балāга» в своем труде не оставил без внимания и такие трактаты как «Иштикāk ал-кабир» и «Иштикāk ас-сагир» Руммāнй, произведения Джах̄йза, «Канз ал-гарāиб» Ах̄мада Маншурй, «Лузūмийāt» Абу'ала Ма'аррй и т. д. [16, 154-155], о которых не упоминает. Или же, анализ главы «ташбих» (сравнение) «Тарджумāн ал-балāга» показывает, что автор заимствовал суть и классифи-

² Книга Хāджи Мух̄аммада ибн Дāвуда ал-Исфāхāнй «аз-Зухра» была опубликована в 1932 году в Бейруте на основе копии из египетской библиотеки Р. Нуклом.

кацию главы из книги «Ийār аш-ши‘р» («Мерило поэзии») Ибн Табāтабы, которую также не указывает [32, 44].

Исходя из этого, следует подчеркнуть, что трактат Рāдуйāнī, как «первая практика анализа и упорядочения художественных фигур» [8, 6] более структурирована и содержательна, чем «Маḫāсин ал-калām». Это взаимопроникновение, осуществленное Рāдуйāнī, внесло арабское начало в персидско-таджикскую поэтику и в последующие века, взамен греческого начала, введенного Абу Насром ал-Фāрāбī и Ибн Сīной, стала главенствующей.

Автор этих строк, опираясь на новую концепцию взаимовлияния, комплексно изучив средневековые персидско-таджикские трактаты о поэтике, такие как «Тарджумāн ал-балāга» Рāдуйāнī, «Хадā’ик ас-сйḫр фī дакā’ик аш-ши‘р» Рашидаддина Ватвата, «ал-Му‘джам фи ма‘āйир аш‘ār ал-‘Аджам» Шамса Кайса и «Бадāйе‘ ас-санāйе‘» Атауллаḫа Маḫмуда Хусайнī в сопоставлении с арабоязычными классическими теоретическими разработками Абу-л-Хасана Насра б. ал-Хасана ал-Маргинāнī, Джāḫиза, Ибн ал-Му‘тазза, Кудāмы ибн Джа‘фара, Ибн Кутайбы ад-Динāварī, Ибн ат-Табāбабā, Ибн ал-Асīра, Ибн Рашика ал-Кайравāнī, Абу Хилāла ал-‘Аскарī, Абд ал-Кāḫира Джурджāнī, Сирāджаддина ас-Саккākī, Джāруллаḫа аз-Замахшарī, Джалāладдина Хатīба ал-Казвīнī, Са‘даддина ат-Тафтāзāнī и других, впервые представляет объемное, цельное исследование, где детально сравнивая теоретические разработки, на конкретных примерах показывает степень заимствования и новаторства классических теоретиков в области поэтики.

Автор считает, что воздействие изначально должно быть признано в качестве концепции научного анализа и исследований, а затем, в соответствии с ее сущностью, разделить на части. Таким образом, на базе сравнения и противопоставления арабских и персидско-таджикских трактатов можно разделить сложившуюся концепцию на 6 частей: 1) пересказ и перевод или перенос и перевод текста; 2) содержательно-тематического влияния; 3) литературно-художественного влияния и профессионального воздействия; 4) обратного противодействия; 5) переписывания и подражания художественным средствам и 6) замена. Исследование показало, что при практической реализации, первые три востребованы больше, нежели последующие. Использование данной теоретической концепции позволило определить степень взаимопроникновения и влияния, хронологию формирования средств художественного отображения в арабской и персидско-таджикской литературах, развитие и расширение круга художественных средств, и, что самое важное, концентрацию внимания отечественных специалистов на актуальные проблемы поэтики, конкретизировать общность и различия теоретических постулатов с научной точки зрения. Бла-

годаря сопоставлению литературных и эстетических воззрений можно четко проследить исторический путь становления, формообразования, эволюцию и научную обоснованность возникновения, и развития персидско-таджикской науки о бади⁴ и детально проанализировать её.

Так, например, если сопоставить «Махāсин ал-калām» по своей структуре с «Тарджумāн ал-балāга», то становится очевидным, что у Маргинāнī фигурируются всего 20 художественных фигур, а в трактате Рāдуйāнī их во много раз больше и они разбиты на 73 главы!

Рāдуйāнī смог на родном языке мастерски выстроить параметры художественных средств, собрав воедино разрозненные суждения о сущности художественного изображения своего времени, и создав целостную теорию художественного отображения, положил начало всестороннему изучению литературной и эстетической мысли в персидско-таджикской литературе. Теоретические разработки Рāдуйāнī, использованные в качестве первого опыта анализа и систематизации художественных средств в «Тарджумāн ал-балāга», имеют не только высокую научную ценность в определении их места и роли, но также является важным для признания его не только как «основоположника исследования науки о поэтических фигурах», но пионером методологии в этой области литературоведения.

Способ комментирования художественных средств в трактате Рāдуйāнī, по сравнению с «Махāсин ал-калām» двояк. Первый условно назовем «сходственным», т.е. автор, рассматривает некоторые художественные средства в том же разрезе, что и Маргинāнī – обобщенно, и таковых, однако, относительно немного (например, «муṭāбака» (сопоставление, шесть разновидностей объединены под общим названием), «маклуб» (перевертыш, две части) и «‘акс» (перевертывание, две части) и «мутанāфир» (труднопроизносимые). Второй уместнее назвать «независимая классификация поэтических фигур», используемый Рāдуйāнī для пояснения особенностей художественных средств, детализирован (например, «ташбīх» (сравнение) и 5 его разновидностей; «джам‘ и тафрик и таксим» (сочетание, разделение и распределение) и 6 разновидностей и т. д.).

В других частях этой концепции автор, исследуя тематические, литературные и художественные особенности поэтики двух языков, на конкретных примерах, научно обосновывает их сходства и различия. Подобные сравнительные анализы Рāдуйāнī, несомненно, имеют большое научное значение не только для изучения и анализа персидско-таджикской литературной мысли в целом, но и периода жизни автора в частности.

Раздел 2.2. озаглавлен «Хадā’ик ас-сихр» Рашида Ватвата в сочетании с персидскими и арабскими источниками».

Важным и ценным литературно-эстетическим источником, который с момента своего написания до середины XX-го века, вернее до 1949 года,

т.е. до обнаружения рукописи «Тарджумāн ал-балāга», считался «первым важнейшим и влиятельнейшим произведением» в области поэтики и «пионером в познании поэтической науки» персидско-таджикской культуры и литературы, является трактат «Хадā'ик ас-сиḫр фй дакā'ик аш-ши'р» Рашида Ватвата.

Анализ трактата Рашида Ватвата свидетельствует о его явном оппонировании Рāдуйāнй. Более того, автор считает своим долгом написать его с одной целью - «глубоко познать и показать прелести прозы и поэзии двух языков - арабского и персидского» [38,1]. Однако, как нам кажется, Рашид Ватват остался неудовлетворенным своей работой, так как в последней части предисловия к трактату обещает представить в ближайшем будущем работу, связанную с «комплексом вопросов по всем проблемам науки о поэтике, 'аруду, терминам, достижениям и недостаткам» [38, 2].

Хотя «Хадā'ик ас-сиḫр фй дакā'ик аш-ши'р» Рашида Ватвата больше опирается на арабскую составляющую, в целом представляет собой «персидское повествование поэтики» [17,196]. Именно благодаря этой работе персоязычный читатель впервые знакомится со сравнительными нормами персидско-таджикской и арабской поэтик. С другой стороны, читатель познает, каким образом рассмотрены литературные направления, в частности пояснения, мастерское выражение слова-речи, признает наличие мастерства выражения мысли в арабской прозе, в Коране, в хадисах, арабской поэзии, составляющих основу этого направления.

Воздействие на трактат Ватвата, как и на другие персидско-таджикские трактаты по поэтике, необходимо рассматривать с двух позиций:

Прежде всего, направить исследование на то, насколько трактаты соответствуют традиционным системам арабской и персидско-таджикской поэтики, т.е. необходимо на базе детализации определить степень влияния на толкования художественных средств-фигур с позиции литературного, лингвистического и художественного оформления, благодаря чему наглядно обозначится степень заимствований «Хадā'ик ас-сиḫр» и появится реальная почва для решения возникших вопросов сравнительной поэтики и правильно ответить на них.

Во-вторых, это использование арабских примеров, которые иллюстрируют одну из особенностей «Хадā'ик ас-сиḫр»-а от «Тарджумāн ал-балāга». Порядок толкований Ватват заимствовал из «Китāб ал-бади'» Ибн ал-Му'тазза, лишь добавляя в конце каждого определения примеры из персидско-таджикской поэзии, связывая, таким образом, это с арабским началом. Исследователи поэтики объясняют это следующим образом: «цель авторов заключается в том, что в персидских произведениях приводят арабские образцы, а в главах на арабском языке, если в этом есть необходимость, включают их, а не так, чтобы в арабских трактатах в каче-

стве примера использовать персидские примеры и представить комментарии к персидским словам», наглядным примером чему является «Хадā'ик ас-сиҳр» Ватвата. Однако, несмотря на наличие такой точки зрения, на наш взгляд, это не отвечает исторической действительности, так как еще до Ватвата, Рāдуйāнī, как первопроходец, уже определил направление персидско-таджикской науки о поэтике, и задача последователя заключалась в усовершенствовании учения предшественника.

Как было заявлено ранее, опора на сравнительно-типологический метод исследования степени и качества заимствований художественных средств вполне естественно. Исходя из этого метода в «Хадā'ик ас-сиҳр»-е было выявлено три вида заимствований: смысловое (ма'нāй), пересказанное (интикāлī) и улучшенное (такмīлī). Вот лишь пример улучшенного заимствования, которое берет свое начало от Рāдуйāнī и получает продолжение у Рашида Ватвата, превзошедшего своего предшественника точностью, своевременностью и обоснованностью описаний: «и'тирāд ал-калām кабл ат-тамām» (прерывание речи до завершения [мысли]):

Маргинани	Ватват
<p>قال نصر بن الحسن: و من محاسن الكلام اعتراض كلام في كلام لم يتم معناه ثم يتمه في بيت واحد</p> <p>Наср ибн Хасан сказал: и красотой речи является прерывание речи речью, которое не заканчивается до тех пор пока не будет представлена в одном отдельном бейте.</p>	<p>اعتراض الكلام قبل التمام. اين عمل را ارباب صناعت حشو خوانند و اين صنعت چنان باشد کي شاعر در بيت معنى آغاز نهد بيش از آن که معنى تمام شود معنى ديگر در ميان بگويد آنگاه بتمام کردن آن معنى باز رود.</p> <p>«И'тирāд ал-калām кабл ат-тамām». Это действие специалисты также называют «ҳашв» («межсловие»), и это средство таково, что поэт придает смысл бейту, прежде чем смысл закончен, говорит нечто другое, а затем возвращается к концу этого значения</p>

Раздел 2.3. «Ал-Му'джам фī ма'āйир аш'ār ал-Аджам» Шамса Кайса Разī и его арабские источники».

Другой трактат, являющийся более полным, чем «Тарджумāн ал-балāга» Рāдуйāнī и «Хадā'ик ас-сиҳр» Рашида Ватвата, где он комплексно рассматривает «триаду поэзии» - «'аруд» (метрическую систему стихосложения), «кāфийа» (рифму) и «накд» (критику стиха) «ал-

Му‘джам фй ма‘айир аш‘ар ал-‘Аджам» (написан 1218-1233 гг.) Шамса Кайса Рāзй. Поскольку наше исследование проводится в контексте анализа художественных фигур, нами, в данном случае, рассматриваются только два вопроса: 1) влияние арабских источников на Шамса Кайса Рāзй и 2) описательное сравнение изящества слова в арабской и персидско-таджикской науке о поэтике (‘илм ал-бади‘). Диссертант в этой части работы рассматривает степень влияния «Махāсин ал-калām» Маргинāнй, «Накд аш-ши‘р» Кудāмы ибн Джа‘фара, «Ийār аш-ши‘р» Ибн ат-Табāтабā, а также – «ал-Мувāзана» Амидй, «ал-‘Умда фй махāсин аш-ши‘р ва āдāбиḫ ва накдиḫ» Ибн Рашика ал-Кайраванй и «ал-Кāфй фил-‘аруд ва ал-кавāфй» Хатйба Табризй на работу Шамса Кайса Рāзй, которое осуществлялось либо прямо, либо косвенно.

Шамс Кайс Рāзй уделяет больше внимания внешним (чувственным) особенностям «ташбиḫ» (сравнения) и видит семь разновидностей: 1) «ташбиḫи сариḫ» (явное сравнение), где некоторые слова сравнения общеприняты ; 2) «ташбиḫи кинāйат» (намекающее сравнение), где нет букв (слов) уподобления; 3) «ташбиḫи машрут» (условное сравнение), где используется условная буква (-ое слово); 4) «ташбиḫи ма‘кус» (перевернутое сравнение) - сравнить что-то с чем-либо, а затем подобным образом сравнить сравниваемое с изначальным сравнением; 5) «ташбиḫи музмар» (скрытое сравнение), где поэт в некоторых случаях описания использует скрытое сравнение, целью, которого является сравнение самой выраженной мысли; 6) «ташбиḫи тасвит» (уровненное сравнение), где автор что-либо уподобляет и уравнивает с чем-либо; и 7) «ташбиḫи тафдил» (сравнение с предпочтением), т.е. автор после сравнения чего-либо с чем-либо указывает предпочтение сравниваемого над сравнённым [23, 359-364].

Раздел 2.4. «Бадāйе‘ ас-санāйе‘» Атауллаха Маḫмуда Хусайнй и арабские источники».

Персидско-таджикская литературная мысль и эстетические ценности в XV веке серьезно эволюционировали, и благодаря ряду нововведений значительно отличаются от предыдущих периодов. Об этом свидетельствует классификация художественных фигур на словесные и образные, использование сравнительно-аналитического метода исследования, новые научные идеи, теоретические научные выводы и изобретение новых средств художественного отображения. Одним из таких редких и ценных произведений, которое во многих отношениях является привилегированным и признанным, является трактат «Бадāйе‘ ас-санāйе‘» Атауллаха Маḫмуда Хусайнй (ум. 1513). Он, глубоко изучив сложившиеся литературные теории и эстетические ценности, сравнив и сопоставив их, проанализировав все сильные и слабые стороны (украшения и изъяны), смог по своему оригинально суммировать их. Таким образом, если основополож-

ником сравнительной поэтики в истории персидско-таджикской литературы является Рашид Ватват, то Атауллаха Махмуда Хусайни следует считать тем, кто усовершенствовал этот научный подход, а его трактат «Бадāйе‘ ас-санāйе‘» - стал первым трактатом, отвечающим полностью всем требованиям сравнительной поэтики.

Первоисточники трактата «Бадāйе‘ ас-санāйе‘» следует разделить на две группы: 1) персидско-таджикские источники, которые, в свою очередь, делятся на четыре группы - а) трактаты по бади‘; б) другие трактаты по литературоведению; в) словари; г) произведения поэтов и 2) арабские источники.

Одной из наиболее значительных и отличительных черт «Бадāйе‘ ас-санāйе‘» является, прежде всего, его новое построение, которое не наблюдается в работах предыдущих персидско-таджикских специалистов. Следует отметить, что такие известные специалисты, как Саккākī в «Мифтāх ал-‘улūм» и Казвīнī в «Изāх», которые в основном комментируют два великолепных трактата Абд ал-Кāхира Джурджāнī («Асрār ал-балāга» и «Далāил ал-и‘джāз»), исходя из необходимости сочетания слов и значений в арабских художественных средствах, разделили их на две группы: словесные и образные. Однако автор «Бадāйе‘ ас-санāйе‘», несмотря на то, что подражает им, принимая во внимание отличительные черты персидско-таджикской поэтики и иного пути понимания способов достижения изящества речи поэтами Аджамы поэтических фигур, считает ее состоящей из трех частей: словесного, образного и словесно-образного (общие фигуры). Такое деление фигур, то есть систематизация средств художественного отображения с точки зрения структуры и содержания, которое Саккākī сделал в XII веке, впервые вошло в персидско-таджикскую науку о поэтике спустя двести лет, т.е. в XV веке, благодаря усилиям этого выдающегося ученого, которое, по мнению Р. Мусульманкулова, «является новым явлением в нашем литературоведении» [6,66].

В своей работе автор «Бадāйе‘ ас-санāйе‘» предоставляет подробную информацию о 150 фигурах. Виды художественных средств рассматриваются в контексте независимой и отдельной главы, которая, с одной стороны, показывает общее и однозначное выражение проблемы, с другой стороны, упорядочивает средства-фигуры в рамках определенной системы словесных и образных классификаций, и, в-третьих, существенно сокращает их большое количество до приемлемой кондиции, благодаря чему что в конечном итоге представляет литературу как великолепное искусство. Автор, похоже, подражая порядку и стилю Рашида Ватвата, смог довести их до совершенства.

Классификация поэтических фигур также показывает, что автор «Бадāйе‘ ас-санāйе‘» достаточно педантичен и проницателен. Он при классификации, используя специальные конструкции, считает, что они

имеют «нав'» (вид), «кисм» (часть), «тарик» (метод) и «мартаба» (ранг). Такая классификация художественных фигур в персидско-таджикской поэтике наблюдается впервые и ярко свидетельствует о новаторстве, утонченности и мастерстве автора.

Другое различие между «Бадāйе' ас-санāйе'» с более ранними трактатами по персидско-таджикской поэтике заключается в том, что он игнорирует «поучительный характер». В частности, в работах Рādуйāнī, Рашида Ватвата и Шамса Кайса при описании фигур используя такие конструкции, как «это такое средство, которое...», первоначально поясняют значение самого слова, затем представляют терминологическое значение и в соответствии с этим создают определение, удовлетворяясь представлением примера как свидетельства. Литературная теория Атауллы строится абсолютно на других принципах и заключается в следующем:

- а) ввод сути художественных средств в научную систему-оборот;
- б) тщательное исследование предмета спора;
- в) описание особых и основных особенностей фигур;
- г) разработка комплексных научных определений;
- д) применение сравнительно-аналитического метода исследования;
- е) правильный выбор поэтических примеров;
- г) делать теоретические выводы и высказывать свое мнение.

Литературно-эстетическая арабоязычная мысль, которая наблюдается в XV веке, оказала глубокое влияние на становление и развитие персидско-таджикской теории литературы и эстетического воззрения, заложив прочную основу для появления сравнительной поэтики, ярким примером которого является «Бадāйе' ас-санāйе'».

Глава III, названа «Общность литературных приемов поэтик Араба и Аджама», рассматриваются вопросы общности художественных фигур Араба и Аджама. Как известно, роль арабоязычной поэтики в формировании персидско-таджикской науки о стихосложении значительна. Следует отметить, что вопрос изучения сходств и различий, взаимосвязи и взаимовлияния и т. п. нуждаются в специальном изучении. «Однако, прежде чем приступить к подобному сопоставительному изучению, - как писал Р. Мусульманкулов, - которое может быть осуществлено в дальнейшем лишь объединенными усилиями специалистов обеих отраслей востоковедческого литературоведения, пока необходимо изучить самостоятельно и во всем объеме каждую из этих поэтик – выявить их особенности, определить значение самих памятников, проследить пути развития литературно-теоретической мысли» [7,13]. Настоящая работа проделана с этой целью и комплексно рассматривает персидско-таджикскую и арабоязычную поэтику.

В разделе 3.1. названном «Илтифāt» (поворот, переход), исследуются свойства данной фигуры. По свидетельству Абу Хилāла ал-'Аскарī,

автора трактата «аṣ-Синā‘атайн» и выдающегося арабского ученого Шавки Зайфа, фигура «илтифāt» является одним из творений Асма‘й, которое вошло в арабскую поэтику благодаря именно ему. Джāхиз также использовал его под тем же названием в «ал-Байāн ва ат-табййин». Однако Ибн ал-Му‘тазз не приводит его в основной части своего трактата и не включает его в систему «художественных средств», и приводит во второй части, которая называется «махāсин», и в соответствии с порядком ставит его на первое место. Как свидетельствует история этой фигуры, «илтифāt» была одной из самых популярных поэтических средств доисламского периода. Следует также отметить, что фигура была одним из видов художественных средств, которое несмотря на то, что за всю историю литературы Араба и Аджам неоднократно сталкивалась с терминологическими изменениями, но наиболее востребованным названием и по сей день остается «илтифāt». Использование этого средства под этим именем приписывается абсолютному большинству признанных арабских и аджамских ученых, среди которых Кудāма ибн Джа‘фар, Абу Хилāl ал-‘Аскарй, Муḥаммад ‘Умар Рāдуйāнй, Рашид Ватват, Шамс Кайс, ‘Алй б. Тāдж ал-Халāвй, Шарафаддин Рāмй, Хусайн Вā‘из Кāшифй, Атауллах Маḥмуд Хусайнй и Джалāладдин Хумāй.

Однако часть теоретиков, обнаружив незначительные изменения по двум причинам: 1) отличают их работы от предыдущих, и 2) с целью демонстрации своей новизны или своего вклада в поэтику, позволили себе добавить что-либо в состав художественных средств, в том числе фигуры «илтифāt». Одно из таких добавлений - придание нового имени. Эти новые нарекания, которые являются главным отличительным признаком и чертой средств-фигур, как показали наблюдения, были созданы тремя способами:

Первый способ заключается в использовании лексического значения этого термина. В частности, Ибн Ваḥб (البرهان في وجوه البيان) и Ибн Мункизз (البدیع في البدیع في نقد الشعر), на основании этого способа фигуру «илтифāt» нарекают «сарф» или «инсирāф»-ом, которое, как нам видится, берет свое начало из определения Ибн ал-Му‘тазза «илтифāt»-у, где используется слово «инсирāф»:

«وَهُوَ إِنْصِرَافُ الْمُتَكَلِّمِ عَنِ الْمَخَاطَبَةِ إِلَى الْأَخْبَارِ وَعَنِ الْأَخْبَارِ إِلَى الْمَخَاطَبَةِ وَ مَا يُشْبِهُ ذَلِكَ وَ مِنْ

الالتفات الانصرافُ عن معنىٍ يكون فيه إلى معنىٍ آخر».

(«Говорящий после того, как завершает свою мысль, кажется хочет отречься от нее, однако вторично обращается к ней, и в другой форме говорит о ней» [12,70].

Второй способ - дать название средству на основе терминологического значения слова. Ибн Рашик, отличающийся своим своеобразием, снача-

ла «илтифāt» - из-за его «популярности среди арабов» называет «и‘тирād», а затем, по мнению последователей, «истидрāk» [13/2,54]. Кроме того, автор «Ниḫāйат ал-йджāз фи дирāйат ал-и‘джāз» при определении «илтифāt» подчеркивает, что у него также есть другие названия, такие как «татмим», «иḫтирās», «такмйл» и «тазйил». Такое внимание, без сомнения, свидетельствует об интересе ученых к проблемам поэтики и вытекающим из нее наукам, в частности ‘илм ал-ма‘āнй (риторики). Так, автор «Мифтāḫ ал-‘улūм» рассматривает «илтифāt» в контексте составных фигур и анализирует ее в сочетании с «итнāб», который является одним из составляющих ‘илм ал-ма‘āнй.

Третий способ - это объединение первого и второго способов, которое включает в себя как лексическое значение, так и терминологическую составную средства-фигуры. Например, ал-Хāтамй, Абутāхир ал-Багдādй и Ибн Рашик использовали слово «и‘тирād» подобно «илтифātu» (повороту). И это нареkanie также связано с Ибн ал-Му‘таззом, который использовал слово «и‘тирād» в своем определении. Ибн ал-Му‘тазз говорит: «К повороту относится переход от идеи, заключенной в речи, к другой» [13/6,318]. Если это изменение происходит в середине бейта, это называется «и‘тирāдом». Благодаря таким небольшим и незначительным изменениям, часть специалистов отнесли «и‘тирād» к самостоятельным средствам-фигурам. Хотя Ибн Рашик «илтифāt», по мнению некоторых ученых, считал: «هو الاعتراض عند قوم» «التفات», ссылаясь таким образом на Ибн ал-Му‘тазза и считает его одним из видов илтифāта. Поэтому в примерах, приведенных Ибн Рашиком, при представлении этого средства-фигуры, происходит некое изменение как смена обращения (мутакаллим), которое автор уместно называет «илтифāt ал-малйḫ» (изящный переход), [13/2,57].

В разделе 3.2. названном «Мутāбака» изучается специфика данной фигуры в поэтике Араба и Аджам.

«Мутāбака» (соответствие) - одна из самых востребованных и известных персидско-таджикских художественных фигур, которая «у мастеров слова высокочтима» [3,101], а у «народа широко популярна»³ [11,161].

Равенство или общность этой фигуры речи было обнаружено 600 лет назад Атауллой Маḫмудом Хусайнй, который писал: «Перед арабскими учеными означает сплетение двух слов в речи, между которыми должно быть соположение и противоречие» и «перед поэтами Аджам – приводить слова, которые противоположны друг другу, т.е. находящиеся в противоречии» [11,163].

Как видим, оба определения одинаковы, только в первом определении термин «соположение» встречается чаще. Это умышленно сделал автор

³ Тāдж ал-Халāвй также поддерживает этих теоретиков: «Они высоко чтят эту фигуру» (Дакā’ик аш-ши‘р).

«Бадайе‘ ас-санайе‘», так как некоторые арабские специалисты считали фигуру «мукабала» неотъемлемой частью «мутāбака», в то время как персы – самостоятельным художественным средством. Следует также отметить, что использование термина «мутāбака» в среде персидско-таджикских ученых немного отличается. Так в теории Рāдуйāнī «мутāбака» фигурирует как «радд ас-садр ‘ала-л-фахз» (возвращение начала к концу), которая позже была отвергнута Рашидом Ватватом и представлена как «радд ал-аджуз ‘ала-с-садр» (возвращение конца к началу). Такое же противоречие наблюдается и в нареканиях Шамса Кайса, которое также встретили холодно. Поэтому речь, «в которой наблюдается противоречие» [22,32] или в ней «слова противоречат друг другу» [22,92] персы называют «мутададд» (антитезы). Это различие было разъяснено Рāдуйāнī при описании «мутададд» словами Халила ибн Аҳмада: «Но дабирь (писари) и Халил ибн Аҳмад называют эту сущность «мутāбик» (подходящим) [22,32]. Рашид Ватват, понимая эту разницу, последовал за Рāдуйāнī и подчеркнул: «И это Халилом Аҳмадом прочитано как «мутāбака» (соответствие) [22,92]. И самое главное, эквивалентное существительное, распространенное в персидском языке, дается в форме «āхшидж», которое имеет особое научное значение в сравнительной поэтике.

Однако в XIII веке в фигуuroобразующем составляющем художественного средства мутабака было два элемента: а) соположение и б) противоречие или тададд (противоположность) в персидско-таджикской поэтике, в том числе в определении Шамса Кайса: «И в искусстве красноречия противоположение противоположных предметов называют «мутāбакой» (соответствием) [23,358]. Это, с одной стороны, явно подчеркивает общность этого средства, сближает и делает сходным, а с другой стороны, Шамс Кайс не принимает термин, введенный Рāдуйāнī и Ватватом, и называет его как Ибн ал-Му‘таз «мутāбакой».

Шавки Зайф не согласен с первым определением «мутāбака», сделанным Халилом ибн Аҳмадом и предлагает новую. Он считал Асма‘й первым арабским ученым, который представил подробный комментарий к терминологическому значению «тададд»-у (противоположный) и мутабаке [27,40], и предположил, что он мог быть автором этого термина. В связи с этим в качестве доказательства приводит следующее мнение Ибн Рашика: «Асма‘й упоминает мутабаку в поэзии и говорит: «лексическое значение этого термина означает «идушие по дороге четвероногие, когда руки расположены на месте ног ...затем называет данный бейт Зуҳайра как наилучший бейт имеющий мутабаку:

لَيْثٌ بَعَثَرَ يَصْطَادُ الرِّجَالَ إِذَا مَا اللَّيْثُ كَذَّبَ فِي أَقْرَانِهِ صَدَقَا

(Есть лев в земле Ассар, в Йемене, который охотится на мужчин, и каждый раз, когда он использует слово лев по отношению к себе подобным, оно касается его (приравнено к нему) [13, / 2,7].

И это первый бейт, который Ибн ал-Му‘тазз приводит в качестве подтверждения (примера-У.Ю.)» [5/6, 217].

Кудāма ибн Джа‘фар, современник Ибн ал-Му‘тазза, в начале формирования поэтики как сферы науки о красноречии, не соглашается с автором «Китāб ал-бади‘» в выборе термина и его интерпретации. Фигуру, названную Ибн ал-Му‘таззом «мутāбака», нарекает «такāфу», так как она является источником создания красоты смысла. Согласно теории Кудāмы, «такāфу» (сопоставление) – это когда поэт хвалит или осуждает то, что объединяет две противоречивые вещи» [30, 229]. Пример:

حُلُوُ الشَّمَايِلِ وَهُوَ مُرٌّ بِاسِلٌ يَحْمِي التَّمَارَ صَبِيحَةَ إِلَّا رَهَاقِ

(Сладкоподобна и горька и мужественна, и на заре страха и ужаса защищает честь).

Раздел 3.3. называется «Мубāлига» (преувеличение).

Целью данной главы является рассмотрение двух основных вопросов: а) выявить естественные-субстанциальные особенности фигуры преувеличения, являющейся не только основным составным элементом, но и одним из наиболее широко используемых методов украшения поэтического, в частности эпического слова, и б) определить его место в поэтике Араба и Аджамы.

Прежде всего следует подчеркнуть, что в плане рассмотрения «мубāлиги» (преувеличения) в рамках науки о стихосложении-поэтике существует разногласия. В частности, Йāхйā ибн Хамза ‘Алавй, автор книги «ат-Тирāз ал-мутазаммин ли асрār ал-балāга ва ‘улуми хакā’ик ал-и‘джаз», детально исследовав данную фигуру с критической точки зрения, в соответствии с описанием специалистов, выявил «*три мазхаба*» (направления) ее восприятия и оценки ими, которое весьма оригинально и заслуживает особого внимания:

Представители **первого направления** считают, что преувеличение не относится ни к красотам речи и ни к ее достоинствам. Другими словами, эта группа вообще не приемлет преувеличение и не считает его художественным средством, опираясь, главным образом, на то, что «лучшая речь – та, что исходит безо всяких излишеств из кладезя Истины».

Представители **второго направления** считают преувеличение одной из величайших целей красноречия, благодаря семантическому богатству которого создается прекрасное стихотворение. Аргументом этой группы является критерий «самое красивое стихотворение - самое ложное из них».

Третий мазхаб расположен посередине двух предыдущих. Его представители считают, что «если мубāлига с точки зрения умеренности сделана искренне – она красива, но если перенасыщенна «гулувв» (чрезмерностью) уродлива и неприемлима» [32/3,117-119]. Другими словами, эта группа практиковала «умеренность» и рассматривала преувеличение

как элемент красоты и добротности речи, но и не отрицала достоинства искренности по отношению ко лжи. Если она не переходит и не впадает в крайность, то при помощи незначительного изменения воображаемая речь может сформироваться в красивое стихотворение.

По мнению исследователей Араба и Аджамы суть мубāлиги (преувеличения) выражается в двух основных особенностях: описание, в котором а) присутствует ифрāt (излишество) и б) что-либо подчеркивается.

Раздел 3.4. под названием «Таджāхул ал-‘āриф» рассматривает общность данной фигуры.

Согласно утверждению, ас-Саккākī «таджāхул ал-‘āриф» — значит приносить то, что знакомо, как нечто неизвестное, т.е. другими словами, говорящий знает о том, что он говорит, но делает вид, будто это ему неизвестно и притворяется, что не знает».⁴

В его теории говорящий ссылается на одним из следующих моментов:

1. Для упрёка. Как говорит Лейла бинт Тариф:

أيا شَجَرَ الخَابُورِ مالِكِ مُورِقاً كانَكَ لَمْ تَجزَعِ عَلَيَّ ابنِ طَريفِ

(О древо земли Хāбура! Что стало с тобой, что ты принес листья? Как будто ты не скорбел о [смерти] сыну Тарифа?)

Поясним: «Хāбур» - это местность в Шāме. Поэтесса знает, что дерево не осознает печали и беспокойства, но делает вид, будто не знает об этом, придает ему душу, и дух, и как мудрого человека упрёкает в том, что, почему оно не оплакивает смерть сына Тарифа (брата поэтэссы).

2. Для преувеличения в похвале. Например, как у Бухтурй:

ألمعُ بَرَقِ سَرَى أمِ ضُوءِ مِصباحِ أمِ ابتِسامَتِها بِالمَناظِرِ الضّاحِي

(Была ли это вспышка молнии, или вспышка света, или улыбка той женщины с таким светлым (сияющим) лицом?)

Поэт в данном случае преувеличивает в похвале улыбку своей возлюбленной, и не видит различий между ее улыбкой и светом молнии, и светом лампы, и по этой причине ставит вопрос.

Глава IV называется «Актуализация проблем структурно-смысловых противоречий и отличий поэтик Араба и Аджамы», где автор, опираясь на персидско-таджикские трактаты, подробно рассматривает некоторые противоречия, особенности арабской и персидско-

⁴ Гулāммухсин Ахāнй в «Ма‘āнй-и байāн» также упоминая имя ас-Саккākī повторяет его определение: «Таджāхул ал-‘āриф» это располагать известное в контексте неизвестного (выдавать за неизвестное). ас-Саккākī эту фигуру называет «савк ал-ма‘лум мусāка гайраху» подчеркивает, что так как эта фигура встречается в божественных словах, я не могу принять приписываемое ему имя “таджāхул ал-‘āриф” и целью “таджāхул ал-‘āриф” является либо “тавбих” (упрек) либо “мубāлига” (преувеличение) либо “мадх” (восхваление) либо “дамм” (порицание) либо “тахкйр” (оскорбление) (с. 221).

таджикской поэтики, являющиеся наиболее сложными и спорными вопросами, которые до сих пор не решены. На первый взгляд противоречия могут показаться простыми и легко решаемыми, однако, это совсем не так. Напротив, сравнение и противопоставление авторитетных и известных или малозначимых источников по поэтике Араба и Аджамы, анализ представляемых характеристик художественных средств-фигур, соответствие или несоответствие определений, терминов и сути их точного выражения с точки зрения методики, порядка использования средств и приемов выражения речи в различные литературные периоды, известные и малоиспользуемые средства-фигуры, их неординарное нарекание являются одной из основных проблем сравнительной поэтики и требует особого внимания.

Раздел 4.1. - «Типы противоречий и научные аспекты на примере художественных фигур в поэтиках Араба и Аджамы».

Тщательное изучение предмета привело нас к выводу, что персидско-таджикские учёные не во всех случаях опирались на теоретические разработки арабоязычной поэтики, игнорируя ту часть, которая не соответствовала природе и духу персидско-таджикского языка. Однако они не были удовлетворены только этим, и проявив собственную инициативу и изобретательность, создали новые виды средств-фигур или добавили новые к уже существующим, внося, таким образом, ценный вклад в развитие поэтики этих народов.

Это, с одной стороны, опровергает мнение некоторых ученых, которые называют персидско-таджикскую поэтику полностью заимствованной-подражательской (Муҳаммад Алавимукаддам; Муҳаммад Ганими Хилал; Амин Абдулмаджид Бадави; Аҳмад Муҳаммад ал-Хавфи), с другой стороны, доказывает наличие самостоятельного развития. Как справедливо отмечает Н. Ю. Чалисова: «Персоязычная традиция бадй' с самого начала отличалась от арабской традиции, на базе которой она выросла, как составом фигур, так и организацией материала» [10,71].

Опираясь на противопоставление письменных памятников персидско-таджикской и арабской поэтики нами выявлены следующие различия: а) языковые различия; б) технические различия или споры в нарекании; в) художественные отличия; г) расхождения в выражениях.

Противоречие или специфичность, благодаря своей уникальной природе, привлекает внимание литературоведов с самого начала появления персидско-таджикской поэтики. В частности, основательные размышления Ра̄дуйāни о поэзии и мастерстве отдельных поэтов, различия между персидско-таджикской и арабской поэтикой, специфика стиха и его особенности, которые рассматриваются в ходе изучения вопросов сравнительной поэтики, имеют огромное научное и литературное значение. Начало такого подхода к выражению литературной теории можно отнести

к Рāдуйāнī, который впоследствии был значительно расширен Рашидом Ватватом. В частности, Рāдуйāнī, описывая суть фигуры «талāум» (великолепие, гармоничный), пишет: «И одним из изяществ мастерского выражения (балāга) является то, как поэт плавно и мягко сочиняет бейты касыды, т.е. на одном дыхании и ровно, так чтобы между бейтами не было большой разницы в качестве. Так как если один бейт будет сильным и привлекательным, а другой бейт слабым или с изъянами, он будет казаться уродливым и подумают, что он украден. У персоязычных больше различий, до такой степени, что народ думал, что поэзия – это религия (образ действия). В действительности это не так как они предполагали. Так как если стихотворение сложено в едином порядке, оно намного лучше, чем стихотворение с различиями. Предшественники не были прямолинейны в своей поэзии, как последователи; потому, что они начали это, и первопроходцам было легче, чем последователям. И чистая поэзия без примеси - это поэзия Унсури» [22, 133-134]. Понятно, что цель автора от выражения «у персоязычных больше различий» - отделить ее от арабской. Это подтверждается и другим его высказыванием: «И предшественники (мутакаддимāн) не были прямыми (имеется в виду–независимы - У. Ю.), чем последователи (мутаахириин) [22,78], которое также указывают на влияние арабоязычной поэзии и поэтики. К сожалению, таких сравнительных теоретических разработок автора, касаемо специфики и отличий поэтик Араба и Аджамы, не так много. В любом случае, следует признать, что в период становления персидско-таджикской поэтики - это очень серьезный шаг вперед.

Следует отметить, что в этой части работы диссертантом детально рассматриваются языковые различия, сходства использования художественных средств-фигур в арабской и персидско-таджикской поэтиках, изменения слов в контексте определений, средства-фигуры, имеющее более широкий охват в персидском обороте, средства-фигуры, имеющие большее значение в арабской поэтике, не востребованность средств-фигур поэтами Араба и Аджамы, средства-фигуры, отсутствующие в арабской поэтике, различия в наименованиях и т.д, которые не имеют аналогов и во многом новы.

Раздел 4.2. является «Изъяны художественных фигур в поэтике». Критериями исследования являются рассмотрение совокупности внесенных изъянов, которые по своей природе являются средствами художественного отображения, как по форме, так и по содержанию, их внутренней закономерности, то есть создания четких определений, систематизации фигур с точки зрения частоты и семантического выражения, их словесной и смысловой классификации, а также метода и стиля написания, сохраняя при этом нормы и методологические особенности традиционной поэтики, можно разделить на несколько групп.

Первым общим недостатком этих трактатов, по нашему мнению, является недостаток письма-стилистики, так как подход к написанию трактатов на арабском и персидском языках, невзирая на охват одного предмета – поэтики, серьезно разнятся по а) структуре, б) определениям, в) вводу разделов и г) доказательствам.

Примечательно, что Кудāма был первым, кто в своем трактате «Накд аш-ши‘р» исследовал изъяны арабской поэзии, разделив их на четыре части: словесные изъяны (дефекты), изъяны метрики, изъяны рифмы и изъяны значений.

Труды Кудāмы имеют две научные ценности: во-первых, он рассматривает в отдельном разделе все изъяны поэзии, которые были известны до него, и интегрирует их в определенную научную систему. Во-вторых, терминология этого порядка была собрана и составлена именно автором «Накд аш-ши‘р». Исходя из этого, в последующие века исследователи поэтик Араба и Аджамы в основном опирались на его подход. Если сравнить эту часть «Накд аш-ши‘р»-а с «ал-Муджам фй ма‘āйир аш‘ār ал-‘Аджам»-ом Шамса Кайса, то становится очевидным, что автор «ал-Муджам»-а написал свою соответствующую главу на основе теории Кудāмы и качественно улучшил ее. Но еще важнее для нас, что у Кудāмы наряду с выявлением изъянов поэтики в целом, представлена интересная теория о недостатках самой поэтики как таковой. Следует отметить, что автор классифицирует их и рассматривает как «изъяны сути содержания», «изъяны в сочетании слова (речи) и смысла (содержания)» («ихлāl»), «изъяны в сочетании слова и метрики» («ḥашв»-вставка, «таслим»-сдача, «тазниб»-изъян, упущение, «тагйир»-изменение, «тафсил»-детализировать), «изъяны в сочетании значения и метрики вместе» («маклуб»-приемлемый, «мабтур»-дефектный; навязчивый) и «изъяны в сочетании значения и рифмы» («таклиф дар талаб-и кāфийа»– предложение в поиске рифмы).

В частности, Кудāма был первым ученым, который говорит о «ḥашв»-е в арабской поэтике, причисляя его к изъянам в сочетании слова и метрики, который позже был представлен как художественное средство-фигура и разделен на несколько видов. Кудāма в его определении пишет: «Хашв... то, что благодаря ему ради метрики из несуществующих слов создается в бейте» [30, 294]. Как в этом бейте Абуадй Курайшй:

نحنُ الرؤوسُ ما الرؤوسُ إذا سمعت
في الجدِّ للأقوامِ كالأقَاب

(Мы - головы, а головы, когда они возвышаются в величии, для простолудинов не похожи на хвосты для скачек).

То есть люди похожи на хвост, и мы как голова среди них, а голова лучше, чем хвост. В этом стихе слово «للا قوام» (для людей) - ҳашв, и оно приводится только ради метрики.

Таким образом, можно смело констатировать, что художественные фигуры следует рассматривать в соответствии с их красотой с тем, чтобы четко определить отличия основных от второстепенных - произвольных. Потому, что посредством поэтики осуществляется украшение речи, хотя байāн и ма‘āнī также играют в нем важную роль, но им присуща природная красота, и украшение посредством художественных средств является акцидентальным, и авторы-теоретики в силу своего вкуса и таланта делят их на словесные и образные. Это связано с тем, что вопросы эстетики, связанные с природой литературы и творчеством, в какой-то степени ускользнули от внимания специалистов. Если оценивать эстетические нормы речи, с этой точки зрения, то становится очевидным то, что главным упущением традиционной поэтики является отсутствие интереса специалистов к строению слова и общей структуре речи. Наблюдения показывают, что большинство поэтических свидетельств в книгах по персидско-таджикской поэтике составляют один или два бейта. Это означает, что авторы трактатов по поэтике, анализируя средство-фигуру в бейте стиха, именно на этой базе создавали определения к художественным средствам-фигурам. Например, Шамс Кайс в «ал-Му‘джам» цитирует длинные касыды и стихи при исследовании средств-фигур, но фокусируется только на одном или двух бейтах. В то же время, большинство авторов не обращаются к огромным отрывкам, также и не анализируют красоту и мастерство поэта с точки зрения риторики и эстетики, которые являются ключевыми вопросами при изучении, как недостатков художественных средств-фигур, так и литературы в целом, в то время как М. Мухаббати, наиболее важной составляющей красоты и эстетики считает гармонию и единство всего текста или литературного произведения, так чтобы каждый фрагмент был полной и составной частью всего произведения» [36, 58]. Например, Шамс Кайс пытался показать мелодичность и стройность касыд в контексте фигуры «тафвиф» (продольности рядов), которое было проигнорировано более поздними специалистами, за исключением Атауллаха Маҳмуда Хусайнī. В результате именно таких односторонних взглядов в течение веков персидско-таджикская поэтика не имеет концептуального, всестороннего научного и тематического анализа.

Если принять теорию Кадкани в качестве нормы, можно прийти к заключению, что остальная часть художественных фигур являются техническими и искусно созданными в результате «безделья, интеллектуальной лени и незнания философии литературы и созидательной роли творчества» [34,313].

Глава V называется «Новаторство в системе литературных средств персидско-таджикской поэтики».

Раздел 5.1. «Новые художественные средства-фигуры» рассматривает нововведения персидско-таджикских теоретиков в поэтике.

Проблема исследования и влияния персидской литературы, в том числе, ее риторики, на арабскую литературу, считается одной из самых сложных проблем, которая должным образом не исследовалась. На наш взгляд, это зависит от нескольких факторов.

Во-первых, в персидской риторике не осталось ни одного сохранившегося сасанидского трактата, который можно было бы сравнить с арабской риторикой.

Во-вторых, в существующих современных поэтических трудах ни один из авторов не упоминает происхождение литературных-поэтических фигур, которые относятся к персидской, индийской, греческой или ассирийской поэтике. Арабоязычные учёные без всяких упоминаний, представили их как свое интеллектуальное наследие.

В-третьих, многие авторы поэтических трактатов и изысканных произведений на арабском языке имеют персидское происхождение, но, к сожалению, их произведения написаны на арабском языке.

В пехлевийских трудах, дошедших до нашего времени, ясно видится, что в них использовались художественные украшения-фигуры. В их число входят такие фигуры как: «йджāз», «итнāб», «ирсāли масал», «тамсил», «ташбихāти ма'кул ба маҳсус», «ташбихāти маҳсус ба ма'кул». Особенно искусство «чистāн» (загадка) дошедшие до нас в пехлевийском тексте «Йуишти Фриён ва Ахт», указывается что в тот период существовала поэтика. На это искусство в своих трудах указывали Рашид Ватват и Рāдуйāнй. Но после прихода ислама книги на пехлеви были утрачены, но по мнению некоторых исследователей якобы персидско-таджикская поэтика заимствована из арабского. В том числе это спорное мнение Джāҳиз привел в своем трактате «ал-Маҳāсин ва ал-аздāд». Они считали, что персы возводили дворцы и величественные здания, бассейны, сады и пр., а арабы отличаются от персов тем, что они пишут книги и сохраняют своё наследие - стихи и изречения, потому что написание книг и перевод языка в письменную форму сохраняет человеческое интеллектуальное наследие. Такие же мысли Джāҳиз повторяет в трудах «ал-Байāн ва ат-табййин» и «ал-Хайавāн» о языке и культуре Персии, что является в корне неверным.

Эта проблема является эпицентром ожесточённых споров в персидско-таджикском искусстве риторики. В центре внимания этой теории - находятся «способы достижения изящества речи поэтами Аджамы», предложенная Атауллахом Маҳмудом Хусайнй во второй половине XV века.

Существование этой теории ясно указывает на то, что она привлекла внимание средневековых персидско-таджикских ученых.

Относительно сущности этой теории такие ученые, как Рахим Мусульманкулов, Н. Чалисова и А. Сатторзода привели множество мнений в своих исследованиях. В частности, профессор А. Сатторзода определил некоторые границы, принципы, критерии, функции, подход и характер этой литературной теории.

По мнению этого исследователя, некоторые аспекты «способы достижения изящества речи поэтами Аджамы» можно разделить по трём принципам:

1. Выражение новых художественных фигур и каждого из их типов в отдельных главах без соблюдения логического порядка и определенной единой письменной системы.

2. В конце трактатов по персидско-таджикской науке необходимо включать отдельные главы о поэтических терминах.

3. Говоря о новаторствах, предпочтительно было-бы, особенно поздними и современными поэтологами, кратко упомянуть, что является «более известным», «более распространенным», «более престижным», «более надежным», что появилось «под влиянием» и каких «мастеров этого искусства», что есть «венец природы» и какое «подавляющее большинство» [9, 11].

На основании труда А. Сатторзода, можно добавить 4 новых аспекта:

1. Новые художественные фигуры, созданные персидско-таджикскими учёными, условно называемые нами «асл» (подлинные).

2. Внесение новых типов фигур в художественное искусство, которые созданы персидско-таджикскими теоретиками, условно называемые нами «фар'» (вспомогательный).

3. Смысловые добавления и исключения (отклонения) персидско-таджикских поэтологов, пришедшие в составе правил художественных фигур.

4. Использование специальной персидско-таджикской терминологии вместо арабских названий. Сегодня некоторые учёные называют практику того времени «ассимиляцией терминов» в персидско-таджикской поэтике.

Известная русская ученоя Н. Чалисова ссылаясь на исследование «Хадā'ик ас-сиҳр» считает, что некоторые нововведения, сделанные Рāдуйāнī, связаны с «особенностями присущими вкусам иранского общества». Автор «Гарджумāн ал-балāга» пишет, что вместе с известными фигурами, которые можно найти в авторитетных книгах по риторике, особенно Ибн ал-Му'тазза, в книге «Китāб ал-бади'», «аз-Зухра» Муҳаммада ибн Дāvуда ал-Исфāхāнī и «Махāсин ал-калām» Маргинāнī, который добавил в свой трактат такие новые фигуры, которые характерны и «специфичны для персидских общественных вкусов» [17,147].

Н. Чалисова добавила к этой группе фигур «та‘аджжуб», «ҳусн ат-та‘лил», «мурā‘āt ан-назир», «калāми муҳтамил би-л-ма‘āнийи-д-диддайн» и развлекательные фигуры основанные на арабской графике, как «муваṣṣал», «мудававар», «‘акс» и «мувашшах». [17, 148].

Достоинством внимания моментом в исследовании Рашидаддина Ватвата является то, что он упомянул в своем трактате десять фигур, изобретенных персидско-таджикскими теоретиками, в следующем порядке: 1. тарджума, 2. муламма‘, 3. бӯкаламун, 4. такриб ал-амсāl би-л-āйāt, 5. ма‘нийу-л-āйāt би-л-абйāt, 6. муталаввин, 7. мураддаф, 8. мувашшах (мушаджжар, мусаввар, муджассам, мудававар), 9. суāl в-ал-джаваб ва 10. ал-мукаррари мавкуф.

К сожалению, свою задачу он видел только в переводе этих фигур на арабский язык. Другими словами, он только перевел их и не дал никакой информации об особенностях их персидских характеристик.

Кроме того, как упоминалось выше Н. Ю. Чалисовой, в арабских теоретических трудах не отмечены такие фигуры как: та‘аджжуб, ҳусн ат-та‘лил, мурā‘āt ан-назир, калāми муҳтамил би-л-ма‘āнийи-д-диддайн, муваṣṣал, мукатта‘, мудававар, ‘акс, мувашшах и, в сранении с точкой зрения Муҳаммада Нуриддина Абдулмун‘има, только фигура мувашшах указана в обоих трактатах, а остальные все новые [31,341].

Опираясь на эти доводы, с уверенностью следует считать, что такие художественные средства, как суāl в-ал-джаваб, муламма‘, тарджума, тарджумат ал-ахбār ва-л-амсāl ва-л-ҳикам, такрибу-л-āйāt би-л-абйāt и некоторые виды мувашшах также являющиеся изобретениями Рāдуйāнӣ. Кроме того, именно благодаря «Тарджумāн ал-балāга» эти фигуры впервые были введены в оборот классической персидско-таджикской поэтики, в составе которых наглядно отражаются «персидская особенность».

Рāдуйāнӣ сознательно внедрил, изобрёл и ввёл в основу художественной персидской поэтики, по нашим подсчётам - 25 новых фигур. Основы традиций, заложенных Рāдуйāнӣ, в дальнейшие века, изобретённых учёным были продолжены Шарафаддином Рāmӣ, Амиром Хусрау Дихлавӣ, Хусайном Вā‘изом Кāшифӣ, Атауллахом Маҳмудом Хусайнӣ, Муҳаммадхусайном Гаракāнӣ, Джалāладдином Хумāй и Сирусом Шамисо. В частности, Амир Хусрау Дихлавӣ ввёл 27 новых фигур. В целом ими были изобретены и введены в оборот более 60 новых фигур, без учета некоторых фигур, введенных в персидскую литературу Индии, отличающихся от системы правил и применения в персидско-таджикской поэтике.

Автор диссертации детально исследовал и классифицировал эти новые художественные фигуры, изобретённые персидско-таджикскими теоретиками на 7 групп:

- 1) Национальные или традиционные новшества;

- 2) Изобретенные новшества;
- 3) Лингвистические и занимательные новшества;
- 4) Фигуры с упоминанием авторства;
- 5) Фигуры без упоминания авторства;
- 6) Наименование фигур;
- 7) Стилистические фигуры.

Нововведения Рашида Ватвота можно разделить на три части: 1. Традиционно-национальные новшества. Например он причислил к ним такие фигуры, как мурабба‘, мусаммат, муламма‘ и мусаҳхаф к группе «минвāли Аджам» (персидскому стилю). Н. Чалисова считает данные особенности фигур свойственным персидской поэзии. 2. Изобретенные новшества (к этой группе фигур относятся ихām и му‘аммā (аллегория и загадка). 3. Языковые нововведения и логические игры, куда вошли тадвир, мушаджжар, муваṣṣал, мукатта‘, мурабба‘, ҳазф, рактā и хайфā.

Следует отметить, что Рашидом Ватвотом в «Хадā’ик ас-сиҳр», к примеру, были включены образцы персидской прозы, вращавшихся в кругу широких масс и пользующихся большой популярностью, и благодаря такому отношению автора получивших особую весомость и статус.

Стиль и структура трактата Шамса Кайса Рāзй «ал-Му‘джам фй ма‘āйир аш‘ār ал-‘Аджам» также является ярким доказательством теории «стиля поэтов Аджам». Кроме того, Шамс Кайс, рассматривая фигуры «тафри‘» (разветвление) [23,301], «и‘нāт» (усложнение), «муздавадж» (парные) [23,335], подчеркивает, что они принадлежат к «поэзии Аджам» и «и в Хорасане их называют чистāном» и считает одной из характеристик «лугаз ва му‘аммā» (загадки и головоломки).

Амир Хусрау успешно опробовал свои возможности практически во всех жанрах литературы. Он в «Расāил ал-и‘джāз», изобрёл следующие фигуры «зу-л-лисāнайн», «мусаҳхафи зу-л-лисāнайн», «ҳāмили мавкуф», «дурӯ», «зурӯйатайн», «калб ал-лисāнайн» (двуязычное изменение), «арба‘аи аҳрāф» (буквенная четверка), «му‘джизат ас-сана» (чудеса несходств), «тарджумат ал-лафз» (перевод слов), «мухтамил ал-ма‘āнй» (смысловыводящий), «мавкуф ал-āхир» (крайняя (последняя), отложенная) и «фāрс ал-‘араб» (персидско-арабский).

В XV веке были написаны два великолепных трактата по поэтике, которые отличаются от предыдущих по двум ключевым параметрам: 1) «Бадāйе‘ ал-афкār фи санāйе‘ ал-аш‘ār» Хусайна Вā’иза Кāшифй, куда было включено огромное количество всех, к тому моменту известных, художественных средств и их разновидностей, благодаря чему вырисовалась реальная картина, пределы, величие и разнообразие персидско-таджикской поэтики, хотя Забехулла Сафа “оценил его ценность и статус ниже «ал-Му‘джама», считая его простым введением к

этим вопросам» [28, 256]; и 2) «Бадāйе‘ ас-санāйе‘» Атауллаха Махмуда Хусайнӣ, где впервые в истории персидско-таджикской литературы, поэтика исследована на основе научного сопоставления с авторитетными арабскими источниками, который даже спустя почти шестьсот лет все еще соответствуют сегодняшним предъявляемым стандартам научного поиска.

Кāшифӣ, следуя традициям своих предшественников, написал свою книгу «Бадāйе‘ ал-афкār», хотя и не упоминает источники, которые использовал. «Таким образом, по словам М. Л. Рейснера, в кристаллизовавшейся персидской поэтике к XIII в. разряд понятийных категорий жанра и формы, достаточно полно представленный в «Своде правил персидского стихотворства», не приобрел еще, однако, окончательной структурной завершенности, поскольку отсутствовал единый критерий выделения категорий в соответственно принцип их расположения. Тем не менее тенденция к вычленению этой части понятийного механизма персидской нормативной поэтики в самостоятельный раздел теории у Шамс-и Кайса налицо [4,261].

Раздел 5.2. назван «Новые виды художественных средств-фигур поэтики» и в нем рассмотрены нововведения персидско-таджикских учёных.

В начале становления персидско-таджикской поэтики, как известно, художественные средства рассматривались цельно. Например, Рāдуйāнӣ рассматривал такие фигуры как таджнис, маклуб, тасбих и т. д. по отдельности, а Рашид Ватват исправил эту ошибку своего предшественника, впервые применив подчинение разветвлений фигур к их специфике, и этот полностью научный подход нашёл свое продолжение и в последующие столетия. Ученым хорошо известно, что классификация фигур зависит от их частоты, близости, этимологии и границ, и что не присуще всем из них.

Как отметили выше, в XII и XIII веках Рашид Ватват и Шамс Кайс Рāзӣ не уделяли особого внимания нововведениям персидско-таджикской поэтики - их главной задачей было введение поэтики в определенную научную систему, с которой они блестяще справились, и слава автора «ал-Му‘джама» больше связана с арудом-метрикой, нежели с поэтикой. Однако примеры можно найти. В частности, «мусаҳхаф» или «тасҳиф» (неправильно прочитанный, измененный) являясь изобретением Рāдуйāнӣ, рассматривается в теории автора «Тарджумāн ал-балāга» отдельно. Рашид Ватват добавляет к нему два типа – «музтариб» и «мунтазам». В первом буквы соединены друг с другом и чтобы их понять необходимо усилием и старанием найти окончания и интервалы этих слов, с тем чтоб получить «тасҳиф» (изменение). Во второй, где можно измененно прочитать каждое отдельное слово, и где окончания и интервалы определены и ясны, и нет необходимости их извлекать [2, 301].

Рашид утверждает, что им составлен «Мухтасар» («Избранное») [2, 302;], и эти два, по нашему мнению, являются его изобретением. Шамс Кайс по известным причинам проигнорировал их.

Автор «Бадāйе‘ ал-афкār» при рассмотрении фигуры «тасҳиф» упоминает о новом ее виде, названной «мусаҳхаф зу-л-лисāнайн» (двуязычная инверсия), изобретенной Амиром Хусрау [3,46б] и представлен ранее.

В то же время следует отметить, что один из современников автора, Джалāладдин Каззāзй, назвал «тасҳиф» «гаштагй» и обнаружил новый вид, который «возникает только при изменении огласовки буквы» [36/3, 177]. Если в следующем стихе «венец-/тāдж» прочтется с «сукун»-ом (закрытый слог) - восхваление, а с “зер”-ом (огласовкой “и”) - осуждение:

سخن هر سرى را کند تاجدار سخن هر سرى را کند تاج دار

Слово каждую голову может сделать венценосной

Слово каждую голову может сделать венцом виселицы [36/3, 178].

Однако, на наш взгляд, такая точка зрения автора «Бади‘»-а ошибочна и повторяет имевший место прецедент в персидско-таджикской поэтике. Ранее Рāдуйāнй уже назвал эту фигуру «мутазалзил» (колеблющийся). Кāшифй в этой связи говорит: «Поскольку от огласовки слов в стихотворении может меняться, его значение также меняется и переходит от восхваления к хуле. Пример:

دوستت تاجدار خواهد شد دشمنت تاج دار خواهد شد.

Твой друг будет венценосен,

А твой враг будет венцом виселицы» [36,133].

Шарафаддин Рāмй в своем «Хадā’ик ал-хакā’ик» представляет фигуру под названием «мачма‘ ал-бахрайн» (двуметричный), которая относится к полиметрическим-изменяющимся. И в ее определении сказано: «Возможно, поэт слагает бейт или несколько бейтов в какой-то форме-размере, и если некоторые из его слов опустить, его можно прочитать в другом размере, и это также называют «мачма‘ ал-бахрайн» и в качестве примера приводит эти два бейта:

نصرت الدين اى جهان بخشى كه از اقبال هست تيغ عالمگير تو روز ظفر مالک ركاب

پرده درگاه عكس نور راي روشنت پرده صبح سحرخيز است نور آفتاب

Нусратуддин, о щедрейший из мирян, от удачи

Твой миропокоряющий клинок в день победы владыка.

Занавес твоего дворца и лик твоих светлых помыслов

Занавес раннего утра и лучей солнца [24,61].

Эта кит‘а написана в размере рамали мусаммани максур («восьмистрофный усеченный рамал»).

Если удалить слова, выделенные жирным шрифтом, получим следующие стихи:

تغ عالمگیر تو مالک رقاب نصرت الدین ای جهان بخشی که از هست
پرده درگاه و رای روشنت پرده صبح است و نور آفتاب

Нусратуддин, о щедрейший, есть
Твой клинок владеющий миром.
Занавес твоего порога и светлых помыслов
Восход утра и свет лучей солнца [24,61].

Размер изменился и стал рамали мусаддаси максур («шестистрочный усеченный рамал»).

Атауллах считает, что было бы уместно назвать эту фигуру «талаввун ма‘а ат-тавших» (полиметрическим опоясыванием) [24,61].

Хусайн Вā‘из Кāшифй муталаввин считает как «самую совершенную и самую красивую фигуру» [35,121] и, в свою очередь делит ее на четыре типа: «мураттаб» (упорядоченный), «мунаджджах» (успешный), «музаййал» (приложенный) и «ма‘кус» (обратный).

Автор «Бадāйе‘ ал-афкār», также как и Шарафаддин Рāmй, «муталаввини муваджджах» называет «маджма‘ ал-баҳрайн», а «муталаввини музаййал» – «джāми‘у ал-вазнайн»-ом. На наш взгляд, они так же относятся к изобретениям Кāшифй, так как муталаввин входит в состав разработок Рādуйāнй.

Следует особо отметить, что персидско-таджикская поэтика, в плане нововведений и изобретений новых художественных фигур, во многом обязана Атауллаху Маҳмуду Хусайнй.

«Шабаҳи иштикāk» (подобие парономазии – разновидность, суть которой состоит в приведении слов, где кажется, что между ними есть схожесть, но на самом деле ее нет) [11,27].

Например:

داری ار ابروی بارک کمان بهر کمین بس بود آن مشکن باز چو جعد مشکین

У тебя в засаде тонких бровей скрыт самострел,
Достаточно этого, не натягивай еще и ретиву кудрей! [11,27].

В этом бейте слова «камāн и камин» и «машикан и мушкин», кажутся, имеют один корень с точки зрения парономазии, хотя, на самом деле это не так. Поэтому их называют «шабаҳи иштикāk» (подобие парономазии). Впервые «шабаҳи иштикāk» в персидско-таджикскую поэтику ввел Атаулла. Это связано с тем, что автор «Бадāйе‘ ас-санāйе‘» критикует поэтов Аджама, в частности Рашида Ватвата, который «не увидел различий между иштикākом и «шабаҳи иштикākом» [11,27].

Раздел 5.3. назван «Смысловые добавления в свод правил художественных фигур персидско-таджикской поэтики», где рассматриваются нововведения персидско-таджикских учёных в науку поэтики.

Поскольку Рашид Ватват писал свой трактат под влиянием и в оппонировании Рāдуйāнī, возникает вопрос, чем «Хадā'ик ас-сихр» может отличаться от «Тарджумāн ал-балāга». Тщательное сравнительное изучение и рассмотрение этих двух работ показало, что в «Хадā'ик ас-сихр» имеет множество новшеств, особенно национального, лингвистического, семантического, структурного, стилистического, фонетического и изобретательского характера. Рассмотрим лишь три из них:

а) Национальные или традиционные новшества

Выведение традиционной новизны на первое место обусловлено тем, что у персов до арабского нашествия была развитая наука, в частности была и своя поэтика, о чем свидетельствует сам автор первого арабского трактата Рāдуйāнī, используя оборот «...так называют персоязычные» и таким образом направляет на предметную специфичность, указывающую на существование персидско-таджикской поэтики. Как было указано выше, Н. Чалисова насчитала девять художественных средств, которые, по ее утверждению, относятся к открытиям самого Рāдуйāнī. Автор «Хадā'ик ас-сихр» исключил из этого списка только фигуру «тааджжуб» (удивление), а фигуры «'акс» (перевертывание) и «мудааввар» (круглый) поместил в последней главе, где рассматриваются поэтические термины, переименовав мудааввар в тадвир (вращение).

Продолжая эту инициативу Рāдуйāнī, Ватват относит фигуру «мураддаф» (идуший следом) к группе художественных средств, принадлежащих «минвāли Аджам» (изящества Аджам). Конструкция, придуманная им в равной степени отражающая оборот Рāдуйāнī «салāйки ирāнī» (иранские изящества), который Н. Чалисова считает его изобретением. Следует отметить, что согласно «природе персидской поэзии» (оборот Н. Чалисовой), то есть, на наш взгляд, как структуре, так и по значению и содержанию фигуры «мурабба'» (квадрат), «мусаммат» (украшенный ожерельем), «муламма'» (сверкающий) и «мусаҳҳаф» (измененный), которые приводит Рашид Ватват следует включить в эту группу.

«Радиф, - пишет Рашиди Ватват - это слово или несколько слов, которые идут вслед за буквами рави-опорными согласными в персидской поэзии, и это средство поэтологи называют мураддаф... Осведомленность, вкус поэта и талант слагать отражаются в хорошем радифе» [38, 314].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Персидско-таджикская теоретическая и литературная мысль, по сравнению с литературной мыслью арабской эстетики, имеет древнюю историю, имеет богатый опыт применения таких художественных средств, как ирсоли масал (использование афоризма), тамсил (приведение примера), ментальных и эмоциональных аллюзий, аллегии, загадки, садж'-а в сохранившихся текстах на согдийском и пехлевийском языках, в том числе раздел «Готы» Авесты, а также трактаты пехлеви «Древо Асурик», «Хусрав и его раб», «Традиция письма», «Сурāфарин» и «Худойнāмак». К сожалению, после греческих и арабских вторжений в империю Сасанидов все литературные произведения, включая рукописи, были уничтожены. Однако большинство оставшихся произведений на пехлеви были переведены арабами на арабский язык, в том числе такие книги, как «Кārванд» и «'Айн ал-балāга». Эта волна переводов с пехлевийских, ассирийских, греческих и индийских произведений проложила путь к появлению науки под названием «поэтика», и арабские ученые приписывали всю красоту речи «благословенному Корану». В результате первая работа Ибн ал-Му'тазза по арабской поэтике, «Китāб ал-бади'», была первой, где для описания фигур персидского языка использовались стихи джахилии, хадисы, слова сподвижников и, наконец, пословицы и поговорки. Триста лет спустя они начали собирать фигуры-средства, и «Тарджумāн ал-балāга» - первый и самый достоверный пример этого. После падения империи Сасанидов арабы, чтобы получить влияние, в первую очередь распространили среди людей религию монотеизма, а для изучения своего языка на оккупированных территориях сначала основали мечети, а затем медресе, в основном для изучения Корана, теологии и хадисов, а также фикх. Поскольку официальным языком Халифата был арабский, а религией Аравии ислам, персидские ученые в первые два века ислама в основном занимались изучением Корана и классифицировали свои сочинения на арабском языке, ярким примером которого является Имам Бухари, Имам Тирмизи, Мухаммад Табари внесшие огромный вклад в развитие всей мусульманской науки.

2. Исходя из этого, в течение пятисот лет (XI-XV) после появления ислама персидско-таджикская поэтика сформировалась под влиянием арабоязычной риторики, и за это время была проделана огромная работа, сформировалась поэтика, а также появились исследования на этом направлении. Что касается всех терминов науки о риторике, в том числе поэтике, из первых арабских трактатов, таких как «Китāб ал-аджнās» Асма'й, «Кā'идат аш-ши'р» Са'лаба, «ал-Байāн ва ат-табййин» и «ал-Хайавāн» Джāхиза и «Китāб ал-бади'» Ибн ал-Му'тазза к персидско-таджикской поэтике, в частности, «Тарджумāн ал-балāга» Мухаммада 'Умара Рāдуйāнй, «Хадā'ик ас-сйхр фй дакā'ик аш-ши'р» Рашидаддина Ватвата, «ал-

Му‘джам фй ма‘айир аш‘ар ал-‘Аджам» Шамса Кайса Рāзй и другие. Персидско-таджикские теоретики, которые сами ввели новые художественные фигуры-средства, подражали арабоязычной поэтике и адаптировали свои термины к значениям арабского языка. Тем не менее, их теоретическое наследие суммировало художественный опыт и заложило основу для развития персидско-таджикской поэтики от его зарождения до конца пятнадцатого века. На наш взгляд, всё это произошло из-за того, что наши предки приняли ислам и почти всё делалось в определённых религиозных рамках.

3. Некоторые востоковеды Запада и Востока считают, якобы поэтика Араба и Аджамы не имела «определенной литературной системы». Однако, основываясь на теоретические труды Араба и Аджамы, можно смело утверждать, что «традиционная система персидско-таджикской поэтики» существовала издревле.

Хорошо известно, что в соответствии с положениями любой науки, включая науку о риторике в целом и поэтики в частности, существует определенный круг терминов, который служит во благо осознания, освоения и понимания ее специфики. Такой научный пробел ощущался автором трактата по персидско-таджикской поэтике Муḥаммадом ‘Умаром Рāдуйāнй, который, а в конце «Тарджуман ал-балāга» представил пояснения к наиболее важным и специфическим терминам. К сожалению, данный вопрос не был серьезно рассмотрен, и автор лишь ограничился определением терминологии. Это связано было, прежде всего с тем, что к тому времени в арабоязычных трактатах еще не было разделения поэтики на три части – ма‘āнй - науку об образах, байāн-науку изъяснений и бади‘ - науку о поэтических фигурах. Скорее всего, трактаты Абд ал-Кāḫира Джурджāнй «Асрāр ал-балāга» и «Далāил ал-и‘джāз», написанные на высоком научном уровне, еще не были известны в Хорасане. Автор, в своих работах на научной основе детально обосновывает делимость калāма – изящного слова - на прозу и поэзию, складность и совершенство, несогласованность и несовершенство, конструктивную слабость (несостоятельность), плавность и устойчивость, необычность (несвязность), диссонанс (несоответствие), восприятие (переплетенность и сложность) языковое и смысловое, наличие изафетов (дополнений) и повторений, совершенство слова, речи и автора, которое следует признать достойным примером традиционной системой науки о стихосложении – поэтики средних веков. Эти критерии и по сей день определяют художественную ценность речи в контексте изящности слова, включая поэтику. Такому подходу в арабоязычной словесности последовали Фахр ар-Рāзй, Сирāджаддина ас-Саккākй ал-Хāразмй, Джалāладдина Хатйба ал-Казвйнй, Са‘даддина ат-Тафтāзāнй, которые являясь представителями персидско-таджикского народа, в связи с требованиями времени, социально-политических и культурных интересов творили на арабском языке.

На основе системного изучения авторитетных и признанных средневековых источников Араба и Аджамы и современных научных трудов по поэтике, автор этих слов пришел к выводу, что в персидско-таджикских трактатах по поэтике есть некоторые основания, которые определяют особенности правил и норм общего и частного характера литературной системы науки о стихосложении. Также он попытался восстановить систему традиционной персидско-таджикской поэтики, и согласно современным требованиям, обосновать их и создать реальную научную почву для последующих исследований.

4. Одна из серьезных проблем персидско-таджикской поэтики, при всей ее широте и охвате вопросов, является отсутствие четкого определения самого понятия «сан‘ати бади‘й» (художественное средство-фигура). Автор проведя глубокое исследование в плане выявления истоков искусства речи и происхождения этого ключевого термина в поэтике, представил практически все существующие аргументы средневековых и современных поэтологов в пользу того или иного высказывания, приходит к выводу, что первое определение художественному «средству» приводится в работе Насираддина Тусй «Асās ал-иктибās», но, к сожалению, из-за того, что оно было более проаристотелевским, не было замечено средневековыми персидско-таджикскими специалистами, в частности Шамсом Кайс Рāзй.

Кроме того, этот термин также является неотъемлемой, составной частью «традиционной системы поэтики» и должен рассматриваться в начале всех работ по поэтике.

5. Вопрос классификации художественных средств на словесные, образные (смысловые) и совместные также приписывался арабским специалистам, и, согласно исследованиям ученых, был впервые осуществлен Синаном Хаффāджй. Первые признаки классификации были приведены в «Накд аш-ши‘р» Кудāмы, а в научный оборот арабоязычной поэтологии и персидско-таджикской поэтики он вошел благодаря трактату «Китāб аш-шифā» Авиценны и «Асās ал-иктибās» Насираддина Тусй, соответственно.

Однако, как видно, в средневековой персидско-таджикской поэтике («Тарджумāн ал-балāга» Муḥаммада ‘Умара Рāдуйāнй, «Хадā’ик ас-сиḥр фи дакā’ик аш-ши‘р» Рашидаддина Ватвата, «ал-Му‘джам фй ма‘āйир аш‘ār ал-‘Аджам» Шамса Кайса Муḥаммада Рāзй, «Дакā’ик аш-ши‘р» ‘Алй Тāджа ал-Халāвй, «Хадā’ик ал-хакā’ик» Шарафаддина Рāmй и «Бадāйе‘ ал-афкār фи санāйе‘ ал-аш‘ār» Хусайна Вā’иза Кāшифй) художественные средства-фигуры рассматриваются в целом. В этих произведениях практически нет упоминаний о словесных и образных (смысловых) художественных средствах, и фигуры представлены в ряд без учета семантического порядка.

Впервые в персидско-таджикской поэтике художественные средства были разделены на три группы - словесные, образные и параллельные в девятой главе «Асās ал-иктибās» Насираддина Тусй, которым воспользовался двести лет спустя Атауллах Махмуд Хусайнй.

Автор этих строк убедительно доказывает, что классификация фигур впервые была осуществлена персидско-таджикскими мыслителями Авиценной и Насираддином Тусй. Поскольку эти двое великих ученых были последователями теории Аристотеля, и больше опирались на их интеллектуальные основы и в их трудах главенствовали вопросы философии, и их теоретические разработки не вошли в традиционную поэтику, опирающуюся на вкусовые и словесные особенности. Поэтому диссертант рассматривает словесную и смысловую-образную классификацию художественных средств-фигур как неотъемлемую часть этой литературной системы.

6. Рассмотрение вопроса классификации художественных средств по трем критериям – словесному, смысловому-образному и совместному, которые сами по себе уже являются своего рода литературной системой персидско-таджикской поэтики, предполагают осуществление детализированного методологического исследования. Исходя из этого, автор изучив в этом ключе существующие персидско-таджикские трактаты по поэтике, на базе сравнительного анализа поэтик Араба и Аджамы, смог наглядно показать независимость персидско-таджикской поэтики. Метод изучения «Тарджумāн ал-балāга» Мухаммада ‘Умара Рāдуйāнй показал, что отличия поэтик Араба Аджамы достаточно очевидны. Этот же метод был использован при исследовании «Хадā’ик ас-сихр фи дакā’ик аш-ши’р» Рашида Ватвата, «ал-Му’джам фй ма’āйир аш’ār ал-‘Аджам» Шамса Кайса Рāзй, «Бадāйе’ ал-афкār» Хусайна Вā’иза Кāшифй и «Бадāйе’ ас-санāйе’» Атауллаха Махмуда Хусайнй, который не имеет аналогов, в этом плане, в отечественном литературоведении.

7. Одной из серьезных проблем поэтики является перенасыщение количеством терминов. Использование нескольких терминов для обозначения одного и того же художественного средства затрудняет и сбивает с толку понимание их правил и определений, что в конце концов может привести к литературному коллапсу. Как бы то ни было, можно заключить, что по настоящее время нет ни одного полномасштабного исследования, где бы были рассмотрены все аспекты данной проблемы, так как вопрос, безусловно, имеет большое значение для всестороннего изучения поэтики.

Изучение проблемы показало, что художественные средства в зависимости от их смысловой и полезно-востребованной природы делятся на две группы: оригинальные или популярные и второстепенные или нетрадиционные. При таком подходе существенно сократится не только количество видов фигур, но и четко определится основная терминологическая база составляющей поэтики как науки.

8. Переименования одной и той же фигуры на различных этапах развития, вместо упрощения восприятия художественных средств, напротив, усложнило среду этой области науки. Это проблема не только средневековой науки, но и одна из самых актуальных проблем современности. В связи с этим автор придерживается мнения, что методологическая терминология предмета поэтики должна быть единообразной и однородной, и таким образом конкретизировать направленность исследований.

9. Рассмотрение художественных средств-фигур в подавляющем большинстве персидско-таджикских трактатов вопрос связи поэтики с эстетикой часто упускается из виду и редко рассматривается. Поэзия - это создание красоты с помощью слов или языка. Красота должна быть сутью стихотворения. Хотя ученые считают художественные средства одним из элементов изящества речи или искусством словесности, к сожалению, фактически этому фундаментальному вопросу уделялось недостаточно внимания. В настоящей работе автор стремится исследовать художественные средства-фигуры с их эстетической точки зрения, и особенно естественной эстетики, и красоты оформления. В то же время были использованы новые инструменты классификации средств художественного выражения в наше время, что способствует их всестороннему изучению и осмыслению.

10. На основе новых собственных теоретических разработок, автор сопоставив «Тарджумāн ал-балāга» Рāдуйāнī с «Махāсин ал-калām»-ом Маргинāнī, смог четко показать степень теоретических новшеств, таких как повествование и перевод или перенос и перевод текста, тематического, литературного, художественного или иного влияния, переписывания и подражания, трансформации, уровень взаимопроникновения и сосуществования, а также многочисленные различия, которое проделано впервые и не имеет аналогов как в плане детализации, так и выявления критериев норм и требований художественных средств, персидско-таджикской поэтики. Важно и то, что такой метод исследования различных сторон художественных средств в контексте определения норм и правил, а также методов и стилей письма трактатов по поэтике был применен впервые, который с научной точки зрения имеет особое значение.

11. В большинстве восточных трактатов, в соответствии со средневековой традицией, первоисточники не указываются, поэтому автор попытался с помощью сравнительно-типологического анализа выявить основные арабские источники трактатов Рāдуйāнī, Рашида Ватвата, Шамса Кайса Рāзī и Атауллаха Махмуда, и вместе с тем четко показать степень их влияния в контексте отбора, составления и описания не только художественных средств, но и самих работ, что является в своем роде новшеством не только для востоковедения Персидского литературного ареала, но и западного востоковедения в целом.

12. Хотя многие ученые указывали на общность поэтики Араба и Аджамы, до сих пор остается открытым вопрос определения степени этого общего, его специфики и характеристики. Настоящее исследование, в частности представляет собой сопоставительный анализ художественных средств, которые по сути являются определяющим элементом изящности и красоты литературы, и убедительно доказывают, что персидско-таджикская теоретическая и эстетическая мысль, практически на всех этапах развития литературного творчества, подчеркивала свою особенность, которая естественным образом заложена в природе персидско-таджикского языка. Автор, выявляя связующие звенья арабской, арабоязычной и персидско-таджикской поэтики, на их основе проводит анализ практического применения научных теоретических основ Араба и Аджамы. Кроме того, художественные средства Араба и Аджамы исследованы и с точки зрения таких критериев, как единообразие технических терминов, общности наименований, схожести определений, рассмотрения общей темы посредством фигур (метод и ответвление или классификация фигур на виды и типы), места фигуры в системе художественных средств двух поэтов (словесное или смысловое-образное), однородность или синонимичность примеров, что является не только новым подходом, но и вообще не отражено в предыдущих исследованиях.

13. Сравнительно-типологический анализ теоретической и литературной мысли Араба и Аджамы показал, что влияние арабской и арабоязычной поэтики не ограничивается только лишь вопросом участия, ибо это и вопросы различий по структуре, содержанию и научной терминологии. В результате системного изучения предмета автор пришел к выводу, что персидско-таджикские поэтологи не во всех случаях полностью заимствовали постисламские арабские поэтические теории, а отнесли к этому избирательно, выбрав лишь ту часть фигур, которые по своей структуре и специфике не противоречили сути и грамматике персидско-таджикского языка. Как справедливо отмечает Н. Ю. Чалисова: «Персидская художественная (поэтическая) традиция с самого начала отличалась от арабской традиции, но развивалась на ее основе, в том числе и составом средств, а также в организации материалов» [2, 71].

В рамках анализа таких критериев, как языковых, технических или номинальных различий, приходит к выводу, что предмет персидско-таджикской поэтики, невзирая на огромное влияние арабоязычной поэтики, смог сформироваться как самостоятельная наука и стать важной ветвью персидско-таджикской литературы.

Кроме того, диссертантом анализируются различия способов применения художественных средств в арабском и персидско-таджикском языках и рассматриваются все аспекты их отличий в звуковом, письменном и

смысловом выражении, признании или не признании «поэтами Аджамы», а также степень признания арабами тех фигур, которые выявлены и изобретены отечественными специалистами, уделяется особое внимание различиям в наименованиях, особенно в персидско-таджикской поэтике, и таким образом пытаются детально показать степень взаимопроникновения и самостоятельности поэтик Араба и Аджамы.

Недостатки и упущения поэтики, такие как «недостаток всего смысла», «упущения соответствия слов и значений» («ихлāl» - помехи), «упущения в соответствии слов и метрики» («ҳашв»-вставка, «таслим»-сдача, «тазниб»-изъян, «тағйир»-изменение, «тафсил» - детализирование), «упущения в соотношении смысла и метрики» («маклуб»-инверсирование, «мабтур»-дефектный) и «упущения соотношения смысла и рифмы» («таклиф дар талаби кāфийа»- затруднения в представлении рифмы), слабость композиции, отсутствие мотивов, отсутствие ответвлений поэтики, отсутствие классификации художественных средств, недостаточность определений, отсутствие определений, вхождение фигур смежных наук - ма'анӣ (наука об образах) и байāна (наука об изъяснениях), метрики и рифмы детально рассмотрены с научной точки зрения и канонов современного выявительства поэтики (изъяны).

14. Проблема выявления качества и количества изобретения новых художественных средств-фигур в персидско-таджикской поэтике составляет основную цель данной работы. В результате анализа трудов средневековых ученых можно с уверенностью утверждать, что инициативы персидско-таджикских специалистов-поэтологов в этих пяти направлениях беспрецедентны: изобретение новых художественных средств, новые виды существующих художественных средств и смысловые дополнения, персидское нареkanie художественных средств или языковой локализации научного инструментария и поиске стихотворных примеров-свидетельств согласно и сути фигур. В частности, вклад таких мастеров, как Рāдуйāнӣ, Рашида Ватвата, Шамса Кайса Рāзӣ, Амира Хусрау, Шарафаддина Рāмӣ, Хусайна Вā'иза Кāшифӣ, Атауллы Маҳмуда Хусайнӣ, Муҳаммадхусайна Гаракāнӣ и Сируса Шамисо в становлении, развитии и эволюции персидско-таджикской поэтики, в деле изобретения новых фигур и новаторства в видовом разнообразии неопределимо велики. Только согласно нашему подсчету Рāдуйāнӣ принадлежит авторство 25 новых художественных средств. Всего же персидско-таджикскими специалистами-поэтологами создано более 60 новых фигур.

15. Становится ясно, что в IX-XV в.в. персидско-таджикская поэтика развивалась под влиянием арабоязычной риторики, но с опорой на свои более древние корни и сформировалась как отдельная наука и имела большое значение в развитии персидско-таджикской литературы.

Цитированная литература:

1. Бертельс Е. Э. История персидско-таджикской литературы. Избранные труды. Т.1. –М.: Изд-во восточной литературы, 1960. -555 с.
2. Ватват Рашидаддин. Сады волшебства в тонкостях поэзии («Хадā'ик ас-сиҳр фй дакā'ик аш-ши'р»). Перевод с персидского, исследование и комментарий Н. Ю. Чалисовой. –Москва: Наука, 1985. – 324 с.
3. Кашифи Камал ад-дин Хусайн Ваиз. «Бадāйе' ал-афкār фй санāйе' ал-аш'ār» («Чудеса мысли в искусстве поэзии»). Издание текста, предисловие, примечания и указатели Р. Мусульманкулова. –Москва: Наука, 1977. -11+222 с.
4. Кашифи Хусайн Ваиз. Чудеса мысли в искусстве поэзии. Вступительная статья, перевод и комментарий М. Л. Рейснер. В книге Восточная поэтика. Тексты. Исследования. Комментарии. –М.: Изд. фирма Восточная литература РАН, 1996. –сс.258-289.
5. Крачковский И. Ю. Ибн ал-Му'таз. -Избранные сочинения. т. VI. -М.-Л.; 1956. стр. 9-330.
6. Мусульманкулов Р. Персидско-таджикская классическая поэтика X-XV вв. –М; Наука, 1989. -240 с.
7. Мусульманкулов Р. Атауллах-и Махмуд-и Хусайни и вопросы таджикско-персидской классической поэтики. Автореф. докт.дисс. – Душанбе, 1980. – 42 с.
8. Родуёнй Мухаммад ибни Умар, Ватвот Рашидуддин. Мунтахаби «Тарҷумону-л-балоға» ва «Ҳадоиқу-ус-сеҳр». Таҳияи матн, муқаддима ва тавзеҳоти Х. Шарифов. -Душанбе: Дониш, 1987. -144 с
9. Сатторзода А. Такмилаи бадеъи форсии тоҷикӣ (дар заминаи навиштаҳои пешиниён ва имрӯзиён). –Душанбе: Адиб, 2011. -380 с.
10. Чалисова Н. Ю. Трактат «Хадā'ик ас-сиҳр фй дакā'ик аш-ши'р» Рашид ад-дина Ватвата. Автореф. дисс. канд. фил. наук. –Москва: Наука, 1980. -22 с.
11. Хусайнй Атоуллоҳ Маҳмуд. Бадоеъ-ус-саноеъ. Муқаддима ва таҳияи матн аз Р. Мусулмонқулов. –Душанбе: Ирфон, 1974. -222 с.
12. ابن حجة الحموى، تقى الدين ابوبكر. خزنة الادب و غاية الارب. مصر:المطبعة الخيرية، 1304.
13. قيروانى، ابى على الحسن بن رشيق. العمدة فى محاسن الشعر و آدابه و نقده. –بيروت-لبنان:دار الجيل.
- حقه و فصله و علق حواشيه محمد محى الدين عبدالحميد. الطبعة الخامسة. 1401 هـ. / 1981 م. – 633 ص.
14. ابن سينا، ابوعلی حسين. فن الشعر، ضميمه فن الشعر ارسطو، ترجمة عبدالرحمن بدوى. القاهرة، 1953.
15. ابن سينا ابوعلی حسين بن عبدالله. منطق دانشنامه. چاپ دکتر محمد معین و سيد محمد مشکوة. تهران

.1353

16. اردانی فضل الله رضایی. نقد و بررسی تحلیلی آثار برجسته بلاغی - بدیعی در ادب پارسی. مجله آینه میراث. صص.
17. تاریخ ادبیات فارسی. زیر نظر دکتر احسان یارشاطر. مقدمه ای کلی بر ادبیات فارسی. ترجمه مجیدالدین کیوانی. تهران: سخن، 1389. جلد اول. -618 ص.
18. تفتازانی الهروی، سعدالدین مسعود. المطول فی شرح تلخیص المفتاح. قم: منشورات مکتبه الداوری. 1409 ق.
19. تقوی نصرالله. هنجار گفتار (در فن معانی، بیان و بدیع فارسی). -اصفهان: فرهنگسرای اصفهان، تابستان 1363. چاپ دوم. -344 ص
20. الجاحظ عمرو بن بحر. البیان و التبیین. حقه و قدم له فوزی عطوی. ج. 1-4. بیروت: دارالاحیاء العلوم، 1993/1414. -1204 ص.
21. خطیب قزوینی. جلال الدین محمد بن عبدالرحمن. الايضاح فی علوم البلاغه. شرح و تعلیق عبدالمنعم خفاجی. بیروت: منشورات دارالکتب اللبنانی. 1980/1400.
22. رادویانی محمد عمر. ترجمان البلاغه. با انضمام فرهنگ بسامد ترجمان البلاغه. به اهتمام دکتر محمد جواد شریعت. -اصفهان: دژنیش، 1386. -984 ص.
23. الرازی شمس الدین محمد بن قیس. المعجم فی معاییر اشعار العجم. به تصحیح علامه محمد بن عبدالوهاب قزوینی و تصحیح مجدد استاد مدرس رضوی و تصحیح مجدد سیروس شمیسا. -تهران: علم، 1388. -640 ص.
24. رامی شرف الدین حسن بن محمد تبریزی. حقایق الحدایق. به تصحیح و با حواشی و یادداشت های سید محمد کاظم امام. -تهران: چاپخانه دانشگاه تهران، 1341 ه. / 1962 م. -234 ص.
25. سبحانی توفیق و اسماعیل حاکمی. مقدمه به ترجمان البلاغه. تهران: انجمن آثار و مفاخر فرهنگی، 1380. چاپ اول. -334 ص.
26. شمیسا سیروس. نگاهی تازه به بدیع. تهران. انتشارات میترا. چاپ دوم از ویرایش سوم. 1383. -208 ص.
27. شوقی ضیف. تاریخ و تطور علوم بلاغت. ترجمه محمدرضا ترکی. -تهران: سمت، 1383. -شش + 546 ص.

28. صفا ذبیح الله. تاریخ ادبیات در ایران. چاپ 8. تهران: انتشارات فردوس، 1392. جلد 1. - 716 ص.
29. طوسی خواجه نصیرالدین محمد بن محمد الحسن. اساس الاقتباس. بصحیح مدرس رضوی. تهران: انتشارات دانشگاه تهران، 1367. - 631 ص.
30. قدامة بن جعفر (کاتب بغدادی). نقد شعر. به تصحیح: بوریس بونیباکر. ترجمه دکتر ابوالقاسم یری بانوشتاری از شوقی ضیف. - آبادان: پرسش. 1384. - 312 ص.
31. عبدالمنعم محمد نورالدین. البلاغة العربية و أثرها فی نشأة البلاغة الفارسیة و تطورها. - القاهرة: المجلس الاعلی الثقافة، 2008 م. - 456 ص.
32. العلوی، محمد احمد بن طباطبا. عیار الشعر. المحقق عباس عبد الساتر و نعیم زرزور. القاهرة: دار الکتب علمیه، 1426 ش / 2005 م. - 171 ص.
33. قدامة بن جعفر (کاتب بغدادی). نقد شعر. به تصحیح: بوریس بونیباکر. ترجمه دکتر ابوالقاسم یری بانوشتاری از شوقی ضیف. - آبادان: پرسش. 1384. - 312 ص.
34. شفیع کدکنی، محمدرضا. موسیقی شعر. - تهران: آگا، 1389. ویرایش 3. چاپ دوازدهم. - 4+چهل و دو + 679 ص.
35. کاشفی میرزا حسین واعظ سبزواری. بدایع الافکار فی صنایع الاشعار. ویراسته و گزارده میرجلال الدین کزازی. - تهران: نشر مرکز، 1369. چاپ اول. - 377 ص.
36. کزازی میرجلال الدین. بدیع. زیباشناسی سخن پارسی. - تهران: کتاب ماد، جلد 3. چاپ دوم بهمن 1373. - 216 ص.
37. گرکانی محمد حسین قریب شمس العلماء. ابداع البدایع. به اهتمام حسین جعفری. - تبریز: انتشارات احرار. زمستان 1377. چاپ اول. - 30+377 ص.
38. وطواط رشید الدین محمد عمری کاتب بلخی. حدایق السحر فی دقایق الشعر. به تصحیح و اهتمام عباس اقبال آشتیانی. - تهران: مطبعه مجلس، 1362 ش. - 258 ص.
39. محبتی مهدی. بدیع نو (هنر ساخت و آرایش سخن). - تهران: سخن، 1380. - 312 ص.
40. محبتی مهدی. از معنا تا صورت: طبقه بندی و تحلیل ریشه ها، زمینه ها، جریان ها، رویکردها، اندیشه ها و آثار مهم نقد ادبی در ایران و ادبیات فارسی. - تهران: سخن، 1388. 2 جلد. - 1231 ص.

41. هدایت رضاقلی خان. مدارج البلاغه در علم بدیع. -تهران: فرهنگستان زبان و ادب فارسی، 1383. -
بیست و دو، 164ص.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

1. Монография «Взаимовлияние поэтики Араба и Аджамы (IX-XV вв.)». -Душанбе: Дониш, 2021. – 495 с.

Научные статьи в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

2. Бадеия и его исторический путь в персидско-таджикской литературе. //Вестник Таджикского национального университета. -Душанбе: Сино. 2015, №4/3(167). – с. 152-157.

3. Лингвистическая дифференциация таджикско-персидского и арабского языков. //Вестник Педагогического университета. - Душанбе, 2015, №3 (64). - с. 78-88.

4. Роль «Махасин ал-калам» Маргинани в развитии таджикско-персидской литературной теории. //Вестник Таджикского национального университета. –Душанбе:Сино. 2015, №4/4(171).-с. 138-144.

5. Взгляды арабских литературоведов на древнюю персидскую поэзию. //Вестник Педагогического университета. - Душанбе, 2015, №4 (65). –с. 176-186.

6. Способ написания поэмы и поэтические навыки (с точки зрения Шамса Кайса Розы). //Вестник Педагогического университета. - Душанбе, 2017, №3 (70). –с. 156-161.

7. Обсуждение духовности в поэтической речи (на основе «Бадоеъ-с-саноеъ» Атоуллохи Махмуди Хусайни). //Вестник Педагогического университета. –Душанбе, 2018, №1 (73). -с.190-196.

8. «Бадоеъ-ул-афкор» Кошифи и развитие теории литературы в XV веке. //Вестник ТГУПБП. -Худжанд, 2018, №3 (76). –с. 55-67.

9. Джахиз и возникновение арабской риторики. //Учёные записки. Худжандский государственный университет им. ак. Б. Гафурова. –Худжанд, 2018, №3(56). – с. 51-58.

10. Классификация художественных приёмов с точки зрения предков. //Вестник Бохтарского государственного университета им. Н. Хусрава (научный журнал). Серия гуманитарных и экономических наук.-Бохтар, 2018, №1/3(55). –с. 5-13.

11. Классификация средств художественного изображения в современной литературе. //Вестник Бохтарского государственного университета им. Н. Хусрава (научный журнал). Серия гуманитарных и экономических наук.-Бохтар, 2018, №1/4 (57).-с.12-18.

12. Наука бади‘ и ее сущность. //Вестник ТГУПБП. –Худжанд, 2018, №4 (77). - с. 63-73.

13. Сопоставления «Хадаику-с-сехр» Рашида Ватвота с персидскими и арабскими источниками. Вестник Педагогического университета. - Душанбе, 2018, №5-2 (77).-с. 173-184.

14. Роль «Тарджумон-л-балого» Родуёни в становлении персидско-таджикской теоретической мысли. //Вестник Педагогического университета. - Душанбе, 2018, №2 (55).–с.91-101.

15. Влияние арабской литературы / поэзии на таджикско-персидскую: рассмотрение области применения «Махосину-л-калом» Маргинони и «Тарджумону-л-балого» Родуёни. //Вестник Педагогического университета. - Душанбе, 2018, №5-2(77). –с.199-208.

16. Ибн Му‘тазз и первые исследования по арабской поэтике. //Вестник Педагогического университета. - Душанбе, 2018, №5-1 (77). –с.216-226.

17. «Хадаик-ас-сихр фи дакаиш аш-шеър» («Сады волшебства в тонкостях поэзии») и ее значения в истории таджикско-персидской литературы. //Ученые записки. Худжандский государственный университет им. ак. Б. Гафурова. –Худжанд, 2019, №1 (58). –с. 85-93.

18. Амир Хусрау Дихлави и создание новых средств художественного изображения. //Вестник ТГУПБП. –Худжанд, 2019, №3 (82). –с. 45-54.

19. Нововведения в структуру маснави. //Вестник Педагогического университета. - Душанбе, 2020, №4(87).-с.146-152.

20. Четверостишие - оригинальный жанр таджикской поэзии. //Вестник Педагогического университета. - Душанбе, 2020, №5 (88). –с.41-47.

Статьи в других научных журналах и сборниках

21. Обсуждение значения в «Бадоеъу-с-саноеъ» Атоуллаха Махмуди Хусайни. Известия Академия наук. Отделение общественных наук.- Душанбе:Дониш, 2017.–с.163-172.

22. Вечный шедевр Рашидаддина Ватвата.// Адаб. –Душанбе: Мехрона-2017, №1. 2019. с. 11-15.

Сдано в печать 22. 04. 2021
Формат 60x84. Бумага офсетная 80 г/м2
Объем 3 п. л. Тираж 100 экз.
Отпечатано в типографии «Дониш»
г. Душанбе, пр. Айни 299/2.